

ЛЮБОВНИКИ

Юлия ДОБРОВОЛЬСКАЯ

16+

Юлия Добровольская

Любовники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31511608

SelfPub; 2018

Аннотация

Роман написан в 2006 году на основе моего одноимённого сценария, по которому был снят двухсерийный фильм (Москва, к/к «Пирамида», реж. М.Мигунова, в гл. ролях Г.Тарханова и С.Чонишвили, премьера на канале РТР – декабрь 2006 г.), издан и дважды переиздан (Москва, ЦП, 2006-12 г.г.) В 2017 г. роман был переведён на английский язык («The Lovers», переводчик S.Gutkin) и вошёл в шорт-лист конкурса Open Eurasia-2017 (Open Eurasia and Central Asia Book Forum). Ю.Добровольская

Содержание

ДИНА

4

Конец ознакомительного фрагмента.

89

ДИНА

Последний экзамен

Дина Турбина вышла из дверей института в пасмурный день.

Можно было бы сказать, что размытые туманом и вялыми дождями последних дней краски окружающего мира и царившая в нём совсем нелетняя грусть, совершенно не соответствовали её настроению – приподнятому, натянутому, как струна, готовая к песне. Можно было бы, если бы для Дины существовали такие понятия как плохая или хорошая погода. И блёклые дни с линялыми красками, и яркое солнце с синим небом воспринимались ею без оценки, без деления на «плохо» и «хорошо», «грустно» и «весело». Мир для Дины всегда оставался прекрасным и удивительным, и любое его состояние имело свою прелесть. Возможно, настроение её не всегда бывало приподнятым, иногда его сносило на минор, но уж в этом-то погода никоим образом не была повинна. Скорее Дина сама заставит окружающее звучать на одной с ней волне!

И она надела солнцезащитные очки, которые преобразили всё вокруг: мир стал ярким и золотым – как в середине лета на море.

Дина любила море. Но до моря было ещё целых два месяца.

ца. Два месяца практики – почти настоящей работы, почти по специальности, за которую будут платить почти настоящую зарплату, которую Дина и планирует потратить на поездку к морю.

Но пока было самое начало лета. И самое начало буднего дня. А её работа на сегодня уже закончилась. И на ближайшую неделю тоже. Она сдала последний в этой сессии, самый сложный экзамен по самому важному для её будущей профессии предмету. Сдала самому строгому и требовательно-му преподавателю. Самому красивому в их институте преподавателю. Самому красивому мужчине из всех, кого Дина знала до сих пор. И это было не только Динино мнение: каждая студентка в тайне мечтала не только о педагогической благосклонности Константина Константиновича Колотозашвили. И, надо сказать, многим симпатичным девушкам перепало. Так говорили в институте. Но об этом как раз Дина думать и не хотела...

Лучше сейчас думать про море. Она надеялась, что этим летом, после практики, заработав денег, обязательно поедет в свою любимую Феодосию. И мама обещала помочь. Здорово! Всё это было просто здорово!

Да, ближайшее будущее виделось лучезарным и заманчивым. Но почему же её, Дину, не отпускает настоящее?..

Дина взяла со стола билет.

Билет оказался не слишком сложным – насколько, конеч-

но, может быть несложным билет по очень сложному предмету. Дину не пугала ни одна тема – она относилась к учёбе добросовестно и была уверена в своих знаниях. Она всегда выполняла все задания к сроку, и работать над ними начинала сразу, а не в последний день или неделю. Она никогда не прогуляла ни одной пары, и даже если ей нездоровилось, она всё равно шла на занятия, чтобы не упустить того, чего не найти в учебниках, и что может рассказать только специалист своего дела. Кстати, самым фактом внимания к таким вот существенным – или вовсе даже несущественным – деталям изучаемого предмета, она льстила самолюбию преподавателей и вызывала у них особую симпатию. Педагоги любили Дину. И не только за ответственный подход к учёбе и прочные знания, но и за её ровный и открытый характер.

Дина взяла билет и направилась за последний стол.

К этому экзамену студенты готовились только за последними столами. Так любил Константин Константинович Колотозашвили, и все это знали. Во-первых, отвечающий и не мешал, и не подсказывал невольно тем, кто готовится к ответу, а во-вторых, так преподавателю было проще разглядеть, не пользуется ли кто шпаргалками.

Хотя сам же он и настаивал: пишите шпаргалки!

Да, так и говорил:

– Категорически рекомендую: при подготовке к экзамену непременно пишите шпаргалки! Но горе тому, – добавлял он, – кто принесёт их на экзамен!

– А для чего же, – спрашивали студенты, – нужно писать шпаргалки, если ими нельзя пользоваться?

– А для того, – отвечал Константин Константинович, – что надлежащим образом изготовленная шпаргалка это концентрат, эссенция... – он даже обыденные понятия облакал в термины, присущие его предмету, – это эссенция, которую легче сохранить в памяти, и которая требует лишь добавления порции словесного бульона, чтобы стать полновесной информацией, из которой она была приготовлена.

И Дина писала шпаргалки. И не только по этому предмету. Но на экзамен или зачёт никогда не брала их.

Потом эти её шпаргалки, написанные чётким мелким почерком, рвали друг у друга из рук однокашники. И даже передавали по наследству, младшим курсам – такого качества концентрат не мог изготовить больше никто. А Дине никак не удавалось объяснить им, что шпаргалки приносят пользу только в том случае, если составлены собственноручно.

Дина взяла билет и направилась за последний стол.

Одной из трёх была тема, на которой сегодня резал всех Кокон – так студенты за глаза звали Константина Константиновича Колотозашвили.

Дина довольно быстро изложила ответы на вопросы и вспомнила всё, что знала из дополнительного материала. Материала не обязательного, но придающего ответу изящность и исчерпывающую завершённость, а отвечающему – статус посвящённого.

Сказать, что Дина не волновалась, значит погрешить против истины. Конечно, волновалась. Как и любой нормальный студент. Просто она умела внутренне собраться и запретить себе идти на поводу у всяческих деструктивных чувств и мыслей. Словно живущий внутри неё и незаметный в обыденности Кто-то, вдруг обретал голос и подсказывал: «если будешь опасаться неудачи, она не замедлит явиться». Даже заболевая, Дина слышала совет: «болезни нельзя бояться, иначе она надолго застрянет в тебе». И Дина верила этому внутреннему Кому-то с тех самых пор, как однажды, послушавшись его совета, тут же схлопотала неприятность, о которой тот её настойчиво предупреждал. Тогда она ещё легко отделалась...

Первый жизненный урок

Дине было лет восемь. Как-то зимой, накатавшись с друзьями с горок на крутом берегу замёрзшей речки, она в сумерках возвращалась домой по расчищенной бульдозером дороге, соединявшей город с «сельхозом». Так они называли посёлок за речкой, где и был расположен сельхоз – городское сельское хозяйство, с двухэтажными белыми жилыми домами, конюшнями и коровниками, хранилищами для овощей и силоса и бескрайними, как тогда казалось Дине, полями.

До первых домов оставалось совсем немного, и Дина уже различала светящиеся абажуры в окнах и горшки с цветами, стоящие на подоконниках.

Вдруг впереди, из-за поворота, появилась стая собак. Их

было около десяти, наверное. Они шли ей навстречу. Шли ленивой сытой трусцой, изредка внюхиваясь в снег по краям дороги и игриво задирая друг друга. Они возвращались с городских помоек — школьных, детсадовских, больничных — где всегда можно пожить послеобеденными обедами.

Дина не боялась собак до тех пор, пока прошедшим летом в Анапе её не покусал симпатичный рыжий пёс Бобик.

Бобик был на вид очень мирным и жил в деревянной будке на цепи во дворе у хозяев, у которых они с мамой, маминой подругой тётей Альбиной и её сыном Серёжей снимали комнату. Дина знала, что на ночь эту цепь пристёгивают к натянутой вдоль забора проволоке, и таким образом Бобик охраняет большой хозяйский фруктовый сад, двор и дом. Ещё Дина знала, что к будке Бобика подходить нельзя — об этом всех своих постояльцев предупреждали хозяева.

Но Дину обманул мирный вид пушистой рыжей лайки с чёрной мордой, блестящим чёрным носом и закрученным в бублик хвостом.

Как-то она подошла к будке, села на корточки и стала разговаривать с Бобиком. Тот сидел боком к Дине, повернув к ней свою милую улыбающуюся физиономию с высунутым языком и метя виляющим хвостом мелкую белёсую пыль. Когда Дина поняла, что Бобика оклеветали, что вовсе он не злой, а очень даже добрый, и протянула свою руку, чтобы погладить его рыжую с чёрным холку, Бобик вдруг с рыча-

нием накинута на неё, повалил на землю и зубами впился ей в грудную клетку.

Наверное, она закричала – она не помнит. Помнит только, как хозяин со странным именем Никандр Никандрович хлестал Бобика сложенной в несколько раз толстой, как канат, верёвкой.

Потом мама водила Дину каждый день в больницу, где той делали уколы в живот. И ещё ей зашили на груди рваную рану от острых зубов Бобика, заклеили её пластырем, и у Дины на этом месте осталась белая незагоревшая кожа.

Собаки приближались к Дине, не обращая на неё особого внимания: ну идёт девочка, пусть себе идёт, расступимся, обойдём стороной.

Пожалуй, именно тогда Дина впервые отчётливо услышала этого обитавшего внутри неё Кого-то. Он говорил: «иди, как идёшь, и не вздумай бояться и убежать!»

Дина послушалась, собрала всю свою силу воли и, не сбавляя и не ускоряя шага, поравнялась со стаей.

Стая пропустила Дину сквозь себя, не забыв потявкать в её сторону. Возможно, это было приветствие, а может, предупреждение – мол, не смей нас задирать, а то мы не посмотрим, что ты такая маленькая и беззащитная.

«Не убегай, только не убегай!..» – повторяла Дина про себя наказ внутреннего голоса. Но спина коченела от сознания того, что там, за ней бредёт сейчас стая полудиких собак, и

неизвестно, что может взбрести им в голову...

И вдруг что-то сорвалось в Дине: страх стал неуправляемым, застил глаза, ум, заледенил нутро. Она побежала. Она ничего не понимала и ничего не чувствовала. Окраиной сознания она уловила, что собаки мигом догнали её, окружили и с остервенелым лаем, которого она не слышала, бегут рядом, хватая зубами за рейтузы, натянутые на голенища валенок, и за подол пальто.

Они отстали от Дины в том месте, где сельхозная дорога переходила в городскую улицу.

Дина забежала в магазин, расположенный на углу крайнего дома – это был самый большой в то время продовольственный магазин в их небольшом городке – и только тогда окончательно пришла в себя.

Она остановилась в тамбуре, между двумя застеклёнными дверями – одни вели внутрь магазина, а другие на улицу – и прислонилась к стене.

Собак нет, она в безопасности, пальто не порвано – значит, они не кусали, а только пугали, лицо не в слезах – значит, она не плакала. Это хорошо, что она не кричала и не плакала. Почему Дина решила, что это хорошо, она не знала.

В магазине было очень светло от множества свисавших с потолка ламп в металлических колпаках, и всегда пахло молоком и свежим хлебом, лежавшим на деревянных решётча-

тых полках с колёсиками.

У каждого отдела в этом магазине было своё звучание.

Справа от входа обитали стеклянные голоса: бутылки с глуховатым звоном стучались друг о друга в деревянных ящиках, а стаканы весело позвякивали на эмалированных поддонах. Ещё здесь энергично журчал крутящийся фонтанчик, на котором продавщица тётя Валя мыла использованную посуду. Тут можно было попить сока, например, томатного – он лился плотной тугой струёй из большого стеклянного кулька с крышкой в гранёный стакан и пенился в нём как-то по-особому, не так, как, к примеру, виноградный или яблочный. Или газировки, скажем, «крем-соды» – которая с шипением струилась из длинного горлышка зелёной бутылки, и нужно было вовремя взять стакан и поднести его к губам, чтобы губы и нос обдало лопающимися пузырьками и их приятным острым сладко-кислым и крем-содовым запахом.

В бакалейном хрустели газетные листы, из которых делали кульки под макароны, муку или конфеты, и шуршали большие алюминиевые совки, зачёрпывающие лапшу или сахарный песок из выдвижных фанерных коробов или прямо из лохматых серых мешков.

А в молочном отделе звучала целая симфония... Сначала собравшаяся в ожидании молока очередь слышала глухой скрежет металла о шербатый цементный пол – это тяжёлые полные бидоны подтаскивали крюками к прилавку. Потом

раздавалось звяканье и чпокание — открывались два бидона, и тут же начиналось кладанье литровых или полулитровых алюминиевых черпаков на длинных ручках о посуду покупателей, сопровождаемое вкусным густым бульканьем и таким же густым и вкусным журчанием молока, наполнявшего сначала черпаки продавцов, а после бидоны покупателей. Потом звякали крышки опустевших больших бидонов и наполненных маленьких, пустые бидоны со звоном откатывались на склад, снова глухо скрежетали подтаскиваемые полные...

И над всем этим многоголосием висел перезвон монет, бросаемых в ящички кассовых аппаратов или на металлическую тарелочку для денег, прикрученную к стойке шурупом, резвое щёлканье кнопок с циферками и сочное стрекотание ручек, похожих на ручку мясорубки, которые выкручивали из этого аппарата вместо фарша серо-голубой шершавый чек...

Дверь открылась, и в магазин вошла мама. Мама всегда заходила в магазин после работы.

Дина не рассказала ей о случившемся — чтобы не волновать её.

А вечером, засыпая, она вдруг отчётливо поняла, что то, что произошло с ней сегодня, произошло только потому, что она, Дина, послушалась чьего-то мудрого и такого внятного совета. И она решила, во что бы то ни стало, впредь не делать

этого.

С тех самых пор и началось осознанное общение с мудрым советчиком, обитавшим где-то внутри Дины.

Константин Константинович Колотозашвили

– Турбина, я вижу, вы уже готовы отвечать? – Раздался негромкий баритон преподавателя.

– Готова, Константин Константинович.

– Прошу вас. – И он чуть отодвинул стул рядом с собой, на который садились отвечающие экзамен студенты, жестом приглашая Дину занять это место.

Идя по проходу к столу преподавателя, Дина заметила, что Константин Константинович чутко следит за её ногами, словно опасается, как бы она не запнулась за протёртый линолеум пола или не поскользнулась бы на нём...

Да, именно так в первый момент расценила Дина это пристальное внимание преподавателя к её цокающим каблучками туфелькам, ничем не примечательным с её точки зрения щиколоткам, и чуть-чуть выглядывающим из-под, в общем-то, не слишком короткой юбки коленкам...

В следующий миг Дина усмехнулась – едва ли не вслух – своей наивности.

Она резко остановилась.

Константин Константинович – жгучий брюнет тридцати

с небольшим лет, яркий, крупный мужчина, всегда одетый в строгий тёмный костюм, белую сорочку и непременно в модном галстуке – поднял взгляд и посмотрел в глаза Дине. На его лице читался вопрос и некоторое недоумение: в чём дело, девушка?..

Дина продолжила путь, удерживая глазами взгляд преподавателя.

Она приблизилась к столу, отодвинула стул и села. Потом закинула ногу на ногу – всё это она проделала в своей обычной неторопливой манере, с достоинством, о природе коего никто из знавших её здесь, в институте, не имел представления.

С улыбкой, в которой смешались удивление, восхищение и признание поражения достойным соперником, преподаватель взял Динин билет и положил его в стопку использованных, даже не взглянув: что там за вопросы. Потом таким же образом отложил в сторону исписанные Диной черновики ответов. На чистом листе бумаги Константин Константинович что-то быстро написал и, придвигая к Дине, громко, в расчёте на внимание всей аудитории, произнёс:

– В ваших знаниях, Турбина Дина Александровна, я не сомневаюсь. А посему не намерен тратить на вас моё драгоценное время. Прошу, вашу зачётку.

Дина раскрыла зачётку на нужной странице – там по всем предметам красовались одни только «отл.» – и прочла написанное на листе крупным быстрым почерком: «Сегодня в

18=45 у к/т МИР».

Преподаватель расписался в зачётке.

– Поздравляю с отличным завершением сессии, Дина Александровна.

– Спасибо, Константин Константинович, – ответила Дина и протянула руку к своему ученическому удостоверению личности.

Константин Константинович прижал угол зачётки указательным пальцем. Дождавшись, когда Дина поднимет на него глаза, он отпустил палец, и с тем же игривым пафосом сказал:

– Увидимся в следующем учебном году, Дина Александровна. Удачной практики и приятных каникул!

– До свидания, Константин Константинович. – Дина поднялась и, не торопясь, направилась из аудитории.

Цок... цок... цок... – мерно отсчитывали каблучки расстояние от стола до выхода, от последнего в этом году экзамена до следующего, последнего, институтского курса.

А по лодыжкам Дины скользил взгляд Константина Константиновича – она ощущала это физически и, закрывая за собой дверь аудитории, смогла убедиться в собственной правоте.

Вот это-то и не отпускало Дину из пасмурного поздневесеннего настоящего в солнечное летнее будущее. Записка, приглашающая на свидание с самым красивым на свете и с

самым неверным – так ей подсказывало не слишком искушённое в подобных вещах сердце – с самым неверным мужчиной. И столь неприкрытый интерес этого мужчины к её внешности... точнее, к той части внешности, которая называлась ногами.

Всё это будоражило Дину и заставляло то обмирать от сладостных предчувствий, то холодеть от смутных опасений. И ещё сожалеть о том, что до следующего учебного года так далеко...

Но зачем, зачем она ему нужна?!.. Что, в кино ему не с кем сходить? Мало что ли в их институте... во всём этом большом городе красавиц?!..

– Не думай об этом! – Вдруг услышала она. Это был её Друг. – Ты хочешь пойти на свидание?

– Да... Хочу.

– Вот и иди. А другие «красавицы» пусть тебя пока не волнуют.

О красоте

Дина не считала себя даже симпатичной.

И вовсе не из-за комплекса неполноценности, так часто присущего юным барышням, которым не повезло стать стяжательницами всеобщего мужского внимания. Вовсе не из-за этого. Просто Динины представления о красоте сформирова-

ровались на таких недостижимых идеалах, что даже красивые и симпатичные по мнению всех окружающих девушки не выдерживали её личной аттестации на это звание. Пожалуй, только Римму Яковлеву, второкурсницу, с которой Дина жила в одной комнате, она могла бы назвать симпатичной... А посему – что толку расстраиваться, если ты не родилась Анной Маньяни! Довольствуйся тем, что имеешь.

Именно Анна Маньяни, а вовсе не Бриджит Бардо и не Софи Лорен, на которых помешаны её сверстницы, была эталоном женской красоты для Дины.

– Да она же страхолюдина, баба яга! – Смеялись сначала одноклассницы в школе, а потом и однокашницы в институте, глядя на портрет почти никому неизвестной актрисы.

– Вы просто ничего не понимаете в красоте! – Отвечала Дина с тихим достоинством и неколебимой уверенностью в своём праве иметь мнение, отличное от мнения большинства.

Она не обижалась на них. Да и за что обижаться?! За то, что им не хватает душевной утончённости, чтобы прочувствовать – именно прочувствовать, а не увидеть – истинную красоту?... Так за это не обижаться надо, а пожалеть.

Вот только эталона мужской красоты у Дины пока не было. Тем не менее, признанный всеми слащавый голубоглазый красавчик-француз вызывал в ней неприязнь на грани с отвращением. Зато Муслим Магомаев, которого она видела, конечно же, только на фотографиях в журналах, но очень

хорошо знала и любила его голос, будоражил Динины чувства. И ещё Жан Маре... Правда, Дина не могла бы с полной определённой ответить на вопрос: любит ли она Д'Артаньяна, доблестного мушкетёра, или артиста, исполняющего его роль? Как бы то ни было, в них обоих – и в Д'Артаньяне, и в Жане Маре – Дина ощущала то самое главное, чего неосознанно ждёт от мужчины любая женщина: благородство и силу, способные защитить от любых напастей. Обязательно ли благородство и внутренняя сила сочетаются с внешней красотой, Дина тоже пока не знала.

Дина была стройной девушкой, чуть выше среднего роста, с правильной осанкой и неторопливой походкой уверенной в каждом своём шаге особы. Следить за осанкой и походкой её приучила с самого детства мама. Впрочем, как и всему остальному, что составляло Динину незаурядную индивидуальность: хорошим манерам, постоянному уходу за собой, тщательному подбору гардероба, а позже и макияжа.

– Пусть ты и не красавица, – говорила мама, – но лицо, волосы и ногти должны быть всегда ухоженными.

– Пусть у тебя будет немного вещей, – продолжала она, – но эти вещи должны быть добротными.

– И никогда, – говорила ещё мама, – никогда не гонись за модой, лучше найди свой стиль и будь ему верна, а уважение к моде можно прекрасно продемонстрировать аксессуарами.

Откуда провинциальная, с восемью классами образова-

ния, женщина взяла эти совершенно несоветские понятия, Дина представления не имела. И почему при всём этом она, её мама, не соответствовала своим собственным принципам – тоже было загадкой.

Одевалась Дина с маминой помощью. Та шила или перешивала из своих вещей всё, что было необходимо по её мнению столичной студентке.

А это: строгий костюм, несколько блузок, несколько юбок и непременно вечернее платье. Только верхняя одежда и обувь покупались в магазине. Ну и ещё бельё, конечно. На эти вещи мама самоотверженно собирала деньги из своей скромной зарплаты, часто отказывая себе самой в какой-нибудь приятной мелочи.

– Доченька, – говорила мама, когда Дина пыталась отговорить её от новой покупки, – Диночка, я уже себя зарекомендовала, а тебе нужно утверждаться: встречают-то всё же по одежке! – И смеялась своим чистым детским смехом.

Но, при столь невысокой оценке своих внешних данных Дина не считала себя хуже других.

«Я просто не такая, как все» – успокаивала она сама себя, пока не свыклась с этой формулой самоидентификации, которая, словно фильтр, отлавливала и отметала ненужные размышления и переживания по поводу неудавшейся внешности, отвлекающие от... от самой жизни – прекрасной и

удивительной во всех её проявлениях.

«И не на таких вон женятся» – говорила она порой себе, заметив на пальце какой-нибудь совсем уж невзрачной тётеньки обручальное кольцо, пока однажды Внутренний Голос не сказал ей на это:

– Женятся-то на всяких... Но то ли тебе нужно?

– О чём ты?

– Тебе нужно, чтобы на твой палец надели кольцо? И это предел твоих мечтаний?

Подумав, Дина ответила:

– Нет. Думаю, что не это.

– А что же?

Дина снова задумалась.

– Я хочу любить и быть любимой.

– То-то, – сказал Внутренний Голос. – Только иногда «выйти замуж» вовсе не означает «любить и быть любимой». И наоборот: взаимная любовь не всегда предполагает замужество.

– Правда?.. – Удивилась Дина.

О семье и о любви

Как и любая девушка, Дина, конечно, задумывалась о любви и счастье, о семье, которая когда-нибудь у неё тоже будет. Она примеряла себе в мужья некоторых парней – только тех, разумеется, к кому она испытывала симпатию.

Вот Серёжа, сын тёти Альбины, маминой подруги. Он старше Дины на четыре года, и знакомы они с самого детства...

Лет в пять Дина поняла, что любит Серёжу.

Поняла по невыразимой радости, которая переполняла её, стоило лишь услышать от мамы имя тёти Альбины: обсуждение планов, связанных с тётей Альбиной, означало, что Дина увидится с Серёжей, а радость и означала, что это – любовь. Какая же любовь без радости?!

Серёжа был с ней добр и мил и покровительствовал ей с высоты своего возраста и жизненного опыта – ведь он был уже школьником и так много знал.

Серёжа водил Дину в кино, держа за руку. В буфете кинотеатра он покупал ей газировку с ярко-жёлтым густым сиропом, слоёный – обязательно самый румяный – язычок, посыпанный крупными сахаринками, а потом вытирал носовым платочком её губы и отряхивал крошки с воротничка платья.

Иногда Серёжа читал Дине свои любимые книжки – и это были самые сладостные часы их общения. Дина неотрывно следила за губами Серёжи и часто даже не понимала, о чём говорилось в книжке, но это было и неважно: не ради же чьих-то – пусть и увлекательных – приключений сидит она здесь, рядом с любимым Серёжей!

Но однажды Тётя Альбина вышла замуж, и уехала далеко на Камчатку, забрав с собой Серёжу. Дина долго горевала и писала ему печатными буквами длинные письма. Одно из них несколько лет тому назад прислала маме тётя Альбина – на память.

Дина читала его и смеялась сквозь слёзы:

«здравствуй сирёжа. сиводня я хадила в кено. на читьири числа. кено была очинь хорошае. мне панравелась очинь. как ты жевёш? какое кено ты сматрел? я па тибе очинь скучаю. цылую тибя. твая дина».

Каждое слово было написано карандашом другого цвета, и письмо рябило неровными буквами и радужным разноцветием.

Потом они встретились на море, в Анапе, и Дина поняла, что Серёжа – это на всю жизнь.

Но в четвёртом классе совершенно неожиданно для себя, Дина полюбила мальчика по имени Вова Гладштейн, который появился в их классе посреди учебного года, а потом точно так же, посреди следующего года, исчез.

«Отца перевели» – такова была причина подобных приездов и отъездов школьников в Динином классе, в Дининой школе, в Динином городе.

Вова уехал, и в душе образовалась гулкая пустота. Тогда Дина вспомнила Серёжу, и её сердце снова вернулось к нему.

Но ненадолго...

В восьмом она снова влюбилась.

Во второгодника Валерку Ревякина, который слыл грозой школы и слезами учителей.

Почему он отнёсся к Дине, как когда-то Серёжа?.. Он опекал и охранял её – хотя особой нужды в этом не было – и Дине нравилась его трогательная забота.

С ним было интересно: он рассказывал Дине разные истории из своей жизни, от которых кровь стыла в жилах, и половина которых, как потом решила Дина, были или выдумкой, или вовсе не Валеркиными историями.

Потом и он куда-то уехал, окончив девятый класс.

Дина помнит их прощание: свои слёзы, которых не смогла сдержать, его поцелуй в губы, который она так долго потом помнила.

Мы уезжаем очень далеко, в другую страну, – сказал Валера Дине, взяв с неё клятву похоронить в себе эту тайну, – я не смогу писать тебе.

И Дина стала снова писать Серёже.

Потом переписка с Серёжей как-то сама по себе угасла и возобновилась только когда Дина, уже учась в институте, получила от него приглашение на свадьбу. Она, конечно, не поехала – слишком далеко и дорого. Да и некогда: сессия, экзамены. Но написала большое тёплое письмо, и с тех пор

они изредка обменивались новостями и фотокарточками.

С тех пор Серёжа уже успел развестись и жениться больше не собирался – так он писал Дине. Вот Дина и думала иногда о том, что они могут встретиться когда-нибудь, их давняя тёплая дружба может перейти в любовь, а там...

То есть, она знала, что семья начинается с любви. Стало быть, рядом должен быть любимый. А любимый – это навсегда. Мамин опыт она не брала в расчёт. Маме просто не повезло по каким-то непонятным причинам.

Когда Дина – ещё совсем маленькая – однажды спросила маму:

– Мама, а почему у нас нет папы?

Мама ответила очень спокойно:

– Наш папа умер. Больше никогда не спрашивай меня о нём, это меня очень расстраивает.

Дина не хотела расстраивать маму и больше никогда не задавала ей вопросов о папе. А друзьям-приятелям по двору и детсаду, спрашивающим её: где твой отец? – отвечала словами мамы.

Потом мама однажды пришла в дом с незнакомым дядей и сказала Дине:

– Это дядя Толя. Он теперь будет жить с нами.

Дина очень обрадовалась и спросила:

– А можно я буду звать его папой?

Тут обрадовался дядя Толя и сказал:
– Конечно, Диночка, зови меня папой.

Сначала всё было замечательно: они втроём ходили в кино, в зоосад и на лыжах.

Дина гордилась папой и радовалась за маму – мама много смеялась и красиво, нарядно одевалась.

Потом дядя Толя стал куда-то пропадать на несколько дней, мама ходила заплаканная и непричёсанная, Дине она говорила, что больна, и что дядя Толя уехал в командировку.

– Не дядя Толя, а папа, – поправляла Дина маму.

Мама смотрела на Дину каким-то странным взглядом, ничего не отвечала и уходила в кухню или в спальню и закрывалась там надолго.

Потом однажды Дина, придя из школы, застала маму в слезах, а па... дядю Толю кричащим на маму и тоже со слезами на глазах. Он держал в руке кухонное полотенце и то и дело вытирал им глаза.

– А под другими лежать – это тоже не считается?! – Кричал он.

Он повторил это два или три раза, поэтому Дина и запомнила его слова на всю жизнь. Но что они означали, она не знала.

Ещё она запомнила, что в квартире с тех пор надолго застряла какая-то непонятная гнетущая напряжённость. Слов-

но из каждого угла, из-за каждой шторы вот-вот может раздаться крик дяди Толи.

Оставаясь одна дома, Дина пыталась проветривать квартиру, она открывала настежь форточки и окна, она даже брызгала в воздух мамиными духами или одеколоном дяди Толи, но ничего не помогало: ощущение боли, обиды, слёз и разрушенного счастья застряло в квартире неподъёмным камнем. Всё реже мама смеялась, всё реже дядя Толя водил всех в кино или в зоосад, а потом однажды он долго-долго не возвращался домой, и мама сказала, что он уехал.

– Насовсем? – Спросила Дина.

– Насовсем. – Ответила мама. – И больше никогда не спрашивай о нём, меня это расстраивает.

И Дина не спрашивала. С тех пор у неё больше не было папы.

Студенческое общежитие

Дина задумалась: куда пойти? В общежитии девчонки готовятся к экзамену, который она только что сдала. Тётя Ира на работе, Аня и Коля на занятиях. На улице хмуро, и вот-вот может пойти дождь – мокнуть ей не хотелось. Есть в кафе мороженое в одиночестве совсем неинтересно...

И она решила вернуться в общежитие.

В комнатах общежития, рассчитанных на двоих студен-

тов, жили по трое, а в комнатах для троих – по четверо. Так было почти во всех комнатах, за очень небольшим исключением.

Вот на её этаже, на мужской половине, в двухместке жили муж и жена: Юрка Толоконников, длинноволосый красавец-гитарист с Дининого потока, и Людка Зайцева с последнего курса. Они поженились прошлым летом, и в сентябре им разрешили занять отдельную комнату, потому что оба были иногородние, и ещё, как они говорили, у них скоро должен родиться ребёнок. Правда, уже кончался учебный год, а ребёнка так и не было, и даже признаков его скорого появления на Людке не просматривалось.

В комнате за стенкой жили тоже, вроде бы, четверо девочек – так значилось в списке, висящем на двери. Но Дина ни разу не встретилась ни с кем из её обитательниц, кроме одной – Таньки Харитоновой с факультета механизации и автоматизации. Танька была немного странной девушкой: то активной и общительной, то ходила с туповатой полуулыбкой и никого не замечала. Если поздороваться с ней в такой момент, она только переведёт на тебя туманный взгляд, и, ничего не ответив, плывёт сомнамбулой дальше по коридору. А иногда она валялась, скорчившись, на своей кровати и громко стонала – почти до крика. В самый первый раз, когда Дина услышала из-за стенки эти жуткие звуки, она постучалась в Танькину дверь, которая оказалась незапертой, и увидела её именно в этой позе: колени у подбородка, обхваче-

ны руками, голова мотается из стороны в сторону.

– Тань, что с тобой? – испугалась Дина.

– Месячные... – простонала та.

– Дать тебе анальгин?

– Нет, пройдёт... отстань...

– Точно?

– Уйди!

Что же такое было с Танькой на самом деле, до Дины дойдёт лишь через много-много лет.

Однोगруппник Дины, Артур Давлатян, приехавший из Армении, тоже жил один в двухместной комнате. Почему ему так повезло, Дина не задумывалась – просто повезло, и всё тут.

Артур был щедрым парнем и часто собирал у себя общежитскую часть их дружной группы – отметить чаепитием сданный курсовой проект или экзамен. К чаю он всегда ставил на стол коньяк. Не обычную коньячную бутылку с заводской пробкой и всеми положенными по уставу этикетками, а большую – наверное, литровую – молочно-белую полиэтиленовую фляжку. Ещё у него всегда водились дивной красоты и ни с чем не сравнимого вкуса сухофрукты и орехи. Попробовав однажды артуровых лакомств, Дина не иначе как с иронией смотрела потом на жалкое их подобие, разложенное на прилавках каких-нибудь «Даров природы».

Иногда Артур приглашал к себе Дину – попросить у неё консультацию по контрольной или курсовой. Дина добросовестно объясняла ему трудные места в том или ином предмете, но понимала, что всё бесполезно: Артур не сделает контрольную самостоятельно, не напишет курсовую сам – проще было выполнить задание за него. Что она и делала.

Ей это очень не нравилось: ладно, первый курс, но вот уже четвёртый, а Артур не сделал ни одного задания без чьей-либо помощи... как же он будет писать диплом?... а как он потом будет работать по специальности?... У доски или на экзамене он мямлил что-то невразумительное, да ещё с акцентом – из-за этого ответ получался совершенно невнятным. Но в зачётке у него не было ни одной тройки... Пятёрки, правда, тоже не было – только четвёрки. Дину это страшно удивляло: она знала гораздо более умных и способных ребят, к которым педагоги не были столь снисходительны.

– Артур, – говорила Дина горячо и сочувственно, – почему ты ничего не учишь? Ну хоть зубри, если не понимаешь чего-то! Ну сделаю я тебе контрольную... курсовую... Но ведь тебе же работать придётся, а ты ничего не понимаешь, не можешь по формуле кислоту от соли отличить!..

Но на это Артур только улыбался прекрасными восточными губами и прятал за ресницами бархатный взгляд. Потом доставал из шкафа большой пакет с мандаринами или сухофруктами, клал его на стол рядом с Диной и говорил:

– Я нэ буду работат... мнэ просто дыплом нужен... И ты

нэ будэш работат. Ты будэш жит, как каралева...

Нет! Этого Дина никак не могла понять – посещать институт, но не учиться, получить диплом, но не работать по специальности!..

Этого же, по всей вероятности, не мог понять и Константин Константинович Колотозашвили – до Дины доходили слухи о том, что Артур по пять раз пересдаёт ему экзамен, а Константина Константиновича каждую сессию мучают в ректорате, заставляя поставить Давлатяну в зачётку «хор», а не «уд» или «неуд». А потом назначают Давлатяну пересдачу у другого преподавателя, который ставит четвёрку.

Вот, кстати, и на Артура Дина посматривала порой с мыслью о возможных отношениях. Тем более что он с первого курса проявлял к ней особое внимание и даже приглашал каждое лето к себе в гости, в Армению. Он говорил, что Дине не придётся тратить на поездку ни одной копейки, он купит ей билеты и будет кормить её и даже одевать, что он повезёт её на море – на какое она только захочет: на Чёрное, на Каспийское...

Когда Дина однажды рассказала об этом маме, мама очень активно стала убеждать дочь поехать с Артуром к нему на родину. А Внутренний Голос, отговоривший её от этого шага, был немногословным, но настойчивым. «Не надо... не-на-до...» – как-то очень тихо, но твёрдо повторял он.

Дина больше никогда не рассказывала маме об Артуре, а на её вопросы о нём отвечала, что у него давно есть девушка.

А если бы она сказала, что Артур предлагает ей пожениться на последнем курсе и уехать с ним в Армению и жить там, как королева?..

А ведь Артур нравился Дине. Своей деликатностью, воспитанностью, щедростью. Он нравился ей и внешне: высокий, стройный, с чуть более смуглой, чем у остальных, кожей, с красивыми руками, тёмными добрыми глазами. Однажды – это было совсем недавно, перед вот этой вот весенней сессией – Артур чуть было не поцеловал Дину...

Она написала ему вчерне курсовую работу, он, как всегда, достал из шкафа пакет с чем-то вкусным, положил его на стол и обнял сидящую Дину. Дина поднялась со стула и удивлённо посмотрела на Артура. Он взял её за плечи, приблизил своё лицо к Динину. Он смотрел ей в глаза, будто спрашивал: можно? Наверное, если бы он не спрашивал, а просто поцеловал, Дина не была бы против. Она ещё не целовалась никогда ни с кем по-взрослому. Она даже разволновалась и ждала его поцелуя. Но он ждал её позволения... И ей это не понравилось. Она сказала:

– Не надо, Артур.

Артур прикрыл глаза пушистыми ресницами, чуть растянул в улыбке губы и отпустил Дину.

И Дина, не забрав пакет, ушла к себе, в комнату на троих, где обитали четверо.

Если бы Дина стала женой Артура Давлатяна, она жила

бы с ним в его совсем нестуденческой комнате с коврами на полу и на стене, с телевизором «КВН» и магнитофоном «Комета». Но она не уверена была, что любит Артура. «Нравится» – это одно, а «люблю»... «Люблю» – это совсем другое, была уверена Дина и продолжала жить в тесной комнате с одним единственным столом на четверых.

Соседки

– Сдала? – Почти хором спросили Вера и Валя, когда Дина появилась на пороге.

Они сидели по обе стороны прямоугольного стола, который служил и рабочим, и обеденным местом, над разложенными книгами и тетрадями. На краю стола лежали в двух стопках Динины ювелирной работы шпательки.

Вера и Валя учились в параллельной группе, и экзамен Константину Константиновичу Колотозашвили им предстояло сдавать завтра.

– Кто-то сомневался? – ответила Дина и принялась переодеваться.

– На что? – поинтересовалась Валя.

– Спроси чего поумней! – сказала Вера и метнула на Дину испытующий взгляд. – Знамо дело, на пять баллов.

– Да? – Спросила недоверчиво Валя.

Дина ничего не ответила, сняла с себя шуршащий неве-

сомый плащ и переобулась в домашние тапочки с меховой опушкой – слегка поношенные, но вполне аккуратные.

Она подошла к столу и, заглянув через плечо Веры в её тетрадь, потом в книгу, пролистнула несколько страниц и сказала:

– Вот это зубрите. Кокон всех на дополнительных режет.

– Кокон всех на всём режет, – тихо заметила Валя.

Валя приехала из Вологодской области, из деревни, и так и не сумела за четыре года привыкнуть к большому городу. Речь её была тихой – то ли по причине домостроевского воспитания, то ли потому, что она стеснялась своего выговора и провинциального вида, то ли из-за того и другого вместе взятого.

Однажды Валя, смущаясь, попросила Дину позаниматься с ней произношением и грамматикой. Тогда Дина написала длинный список Валиных ошибок, с которыми та вполне успешно справилась за учебный год. Вот только характерное оканье, похоже, было неискоренимо.

– Да. На всём. – Сказала Дина. – А это у него конёк сезона.

Вера, метнулась к той стопке шпаргалок, которая была побольше, и стала перебирать её, ища нужную.

– А тебе что попало? – Спросила она.

Дина спокойно ответила:

– Это и попало. – И добавила после паузы: – Только он

мне автомат поставил.

Обе изумлённо воззрились на Дину:

– Кокон?! Автомат?!

Дина села на свою постель и откинулась на подушку.

– Не совсем, правда, автомат, а... полуавтомат.

Вера и Валя опять почти в голос воскликнули:

– Полуавтомат?... Как это?!

– Я билет взяла, подготовилась, подхожу, сажусь, а он мне говорит: «я в ваших знаниях не сомневаюсь и тратить на вас время не намерен». Даже в черновики не посмотрел.

Вера цыкнула:

– Во изверг! Нет, чтоб сразу...

– Одно слово, Кокон! – Добавила Валя.

– А вы знаете другого преподавателя, который так же свою науку любит?... – Сказала Дина.

– Баб он любит, а не науку, – перебила Вера.

– Ну... вообще-то, конечно, не такой уж он и изверг... – Вставила Валя. – Я помню, на первой лекции так себя подал, что хоть сразу из института уходи, а потом сам же мне на экзамене помогал...

– А его юмор? – Дине почему-то вдруг захотелось говорить о Константине Константиновиче. – Его шуточки по всему институту гуляют!

– Это да! – Поддержала Дину Валя. – И ведь сам не повторяется никогда ... не то что этот... по научному коммунизму... как пошутит, так не знаешь, куда деваться...

Вера мечтательно закатила глаза:

– Да... Кокона, конечно, и после института не забудешь! Луч света в тёмном царстве! – Потом опомнилась и взялась за книгу. – Ладно, харе трепаться, последний экзамен бы ещё сдать с первого захода!

Дина вытянулась на постели, закинув руки за голову.

– Зубрите, девочки, а я отдохну. Чаю захотите, скажете.

Она посмотрела на цветной портрет Муслима Магомаева, песни которого очень любила, особенно пластинку на итальянском языке. Портрет был вырезан ею из какого-то журнала – кажется, из «Советского Экрана» – и висел как раз напротив Дины, на торце стенного шкафа, где расположились ещё несколько портретов, имеющих каждый свою собственную историю.

Вот Жан Маре на глянцевой фотокарточке, которую Дина вымолила у своей тёти, и которую той подарила её подруга. В нижнем углу карточки стоит автограф, сделанный синими чернилами. И хоть тётя Ира пыталась объяснить Дине, что это никакой не автограф Жана Маре, а подпись эту её подруга сделала сама, Дина не желала в это верить.

Рядом – жуткого качества, переснятый с крошечного снимка и увеличенный до размера журнальной страницы, снимок Анны Маньяни из фильма, которого Дина не смотрела. Она увидела однажды в журнале небольшую статью об итальянской актрисе с красивым именем, так соответствующую

щим её необыкновенной внешности. Статью иллюстрировали несколько чёрно-белых кадров из фильмов с её участием. Тот, что висит сейчас на шкафу – лицо актрисы в контрастном освещении – понравился Дине больше всех, и она попросила лаборанта из школьного кабинета физики переснять и увеличить этот портрет.

Чуть левее – Дина Дурбин. Симпатичная женщина, но не в Динином вкусе. Это была мамина идея: назвать дочь именем известной актрисы с фамилией, так созвучной её собственной.

– Вот станешь великой, – говорила мама, – тогда Дину Дурбин будут вспоминать только потому, что её имя похоже на твоё! – И смеялась довольно.

А вот портрет Дининого любимого писателя. Дина долго просила маму купить ей этот портрет, выполненный фотографическим способом на тиснёной бумаге, похожей на ткань, с петелькой на толстой картонной подложке – такой настоящий, добротный портрет. Он стоил два рубля и десять копеек – это были серьёзные деньги для их бюджета, а такую вещь, как портрет писателя, пусть даже самого любимого, мама Дины не считала жизненно необходимой. Тем не менее, однажды, когда Дина закончила девять классов почти отличницей, всего с одной четвёркой, мама вспомнила об этой странной просьбе дочери, и решила поощрить её прилежание в учёбе. К тому же, это было время, когда её, маму, повысили по службе, и она стала получать на восемнадцать

рублей и сорок копеек в месяц больше, чем прежде. Да и вообще, Динина мама вовсе не была жадной, просто она была практичной.

И снова Муслим Магомаев... Он чем-то всё же похож на...

Не важно! Сейчас это неважно! Дине захотелось вспомнить, как всё было на экзамене по самому трудному предмету. Она мысленно отмотала воображаемую киноплёнку, запечатлевшую это событие, назад и стала смотреть...

Вот она идёт по проходу к столу преподавателя, перехватывает его взгляд, следящий за её ногами, и останавливается на полпути. Константин Константинович Колотозашвили, одетый в просторную красную блузу с высоким воротником и широкими рукавами, собранными на манжетах, распахнутую на груди и заправленную в чёрные облегающие брюки, поднимается со своего стула и встаёт во весь свой немалый рост. Он простирает руки в сторону Дины и произносит сочным баритоном:

– Поздравляю вас с отличным завершением сессии, Дина Александровна.

В тот момент, когда Дина с трепетом и радостью узнаёт в преподавателе Муслима Магомаева, невесть как появившегося здесь, в экзаменационной аудитории, впервые наяву, а не на снимках – именно в этот момент в дверь аудитории заглядывает Вера, её соседка по комнате, и бесцеремонно вторгается в этот дивный миг встречи с любимым певцом:

– Дин, чего не переодеваешься? Чайку поставила бы.

Дина точно помнит, что эпизода с заглянувшей в дверь Верой на экзамене не было...

Она открыла глаза.

С фотокарточки на Дину смотрел Муслим Магомаев в красной распахнутой на груди блузе, он протягивал к ней распростёртые руки, рот его широко раскрыт, словно застыл на слове «поздравля-а-а-а-ю». А за столом раскачивалась на скрипящем стуле Вера.

– Всё равно тебе делать нечего, – добавила она. Как будто Дину нужно уговаривать или принуждать!

Дина встала, оправила на себе одежду, взяла с подоконника чайник и вышла из комнаты. Она отправилась в кухню, чтобы вскипятить воду на газовой плите, и поэтому не могла слышать диалог своих соседок, состоявшийся за её спиной во время приготовления стола к чаепитию.

Вера:

– Счастливая Динка, сессию сбагрила.

Валя:

– Да ещё на отлично.

Вера:

– Кому-кому, а ей-то эти пятёрки нелегко даются.

Валя:

– Да, уж... Последняя только, как с неба.

– Ну. Не говори. Да ещё у кого – у Кокона!

– Может, он и на неё глаз положил?

- А что? Может. Она хоть и не красотка, а подать себя умеет.
- Это точно.
- Дура будет, если клюнет.
- Ну... Как Римка, потом на аборт пойдёт... А где Римка-то наша, кстати?
- Может, в читалке...
- Ага! Римка – в читалке! Не смей!
- Ей же Варваре пересдавать надо, а тут уж пока в читалке зад не отсидишь – шиш пересдашь.
- Вообще-то, да...

В этот момент в комнату вошли Дина с кипящим чайником и Римма – та самая четвёртая обитательница комнаты, которой Вера с Валею начали, было, перемывать косточки.

Римма

Римма – яркая брюнетка с тёмно-серыми глазами и плавными движениями своенравной кошки – была очень симпатичной девушкой. Да, пожалуй, Римма была единственным исключением из Дининой теории о том, что красивые люди или нереальны, или живут где-то в дальних краях. Как Анна Маньяни.

Римма умело пользовалась тем скромным арсеналом декоративной косметики, который был доступен небогатым

студенткам: перламутровые тени серого или голубого цвета – зачастую купленные у цыганок, сделанные невесть из чего и запечатанные в обычную пластмассовую чёрную или белую фигуру для игры в шашки, прикрытую кусочком целлофана – и тёмно-розовая помада, которую она берегла для особых случаев. Средство для подводки глаз у неё было таким же, как и у большинства девчонок: чёрный карандаш из пачки «Живопись». На голове Римма носила «конский хвост» – как и Дина, как и большинство девушек в те годы – только волосы у неё были более густые и более блестящие, чем у остальных. Да, Римму вполне можно было назвать красивой девушкой.

Ещё она очень хорошо рисовала. У неё был большой набор карандашей в огромной пачке, которая раскрывалась и устанавливалась особым образом, а карандаши в ней располагались несколькими ярусами, и коробка с пастельными мелками. Карандашами Римма рисовала в обычном альбоме для рисования, а пастельными мелками – на больших и маленьких чёрных листах бумаги, которыми перекладывают фотопластины, и которые, как говорила Римма, папа собирал специально для неё у своих друзей-фотографов. А ещё Римма Яковлева красиво пела под гитару, на которой сама себе аккомпанировала.

Но училась она в институте так себе, без охоты и старания. Кто как, а Дина-то понимала, что Римма отставала вовсе не потому, что была глупой. Просто это было ей неинтересно.

А что ей было интересно – рисование, пение, чтение? – кто ж знает.

Дина залила кипяток в приготовленный Верой и Валею заварочный чайник, а Римма сказала весело:

– Привет! Я, как всегда, вовремя.

Вера, любившая съязвить по любому мало-мальски удобному поводу, не преминула это сделать:

– Да уж, как всегда, прямо к столу.

Римма, у которой явно было хорошее настроение, засмеялась:

– Ладно тебе, Вер! Сегодня посуду помою.

– Какая радость! – Ехидничала Вера.

Римма не отреагировала на эту реплику, достала из сумочки плитку шоколада и положила на стол.

– Ой, чуть не забыла, вот, угостили! Даже кусочка ещё не откусила!

Вера, похоже, решила добить Риммино, неизвестно с чего взявшееся, хорошее настроение:

– И кто же это тебя шоколадом подкармливает?

– Кто-то, – кокетливо-таинственно ответила Римма и принялась намазывать маслом кусок батона.

– Ктото Ктотович Ктотозашвили? – Не унималась противная девчонка.

Римма посмотрела на Веру с недоумением, её глаза наполнились слезами, она бросила недоделанный бутерброд на

стол и выбежала из комнаты.

Валя робко выговорила Вере:

– Зачем ты так? Ты же знаешь...

Вера, чувствуя вину, но не желая её признавать, огрызнулась:

– Не знаю. Лично мне лично она ничего не говорила.

– Я тебе говорила. – Всё так же робко, но укоризненно, сказала Валя.

Дина поддержала Валю:

– Иди, извинись.

– Не пойду. Подумаешь, цаца! Сама виновата – нефига душой быть с такими, как этот.

Валя поднялась и вышла из комнаты.

Вера, с детства усвоившая, что лучшая защита – это нападение, переключилась на Дину.

– А тебе-то Кокон автомат поставил за так, или тоже клеит?

– Может, за так, а может, и клеит, – спокойно ответила Дина, не прерывая чаепития.

– Темни-ишь... Так клеит или за так? – Не унималась Вера.

– Я бы на твоём месте пошла за Риммой и попросила бы прощения.

– А ты что, тоже про Римкин аборт знаешь?

Дина едва не поперхнулась бутербродом, но не подала виду, что ошарашена известием. Она выдержала паузу и про-

изнесла медленно между глотками горячего чая:

– Знаю... не знаю... Какая разница... Главное, что ты... знаешь и колешь.

– А не́фига... Сама дура, нашла, с кем спутаться...

Открылась дверь, и вошли Валя и Римма. Вера, демонстративно прихлёбывая чай в прикуску с шоколадом, воззрилась в окно.

Ближе к вечеру Дина достала из тумбочки зеркало, осмотрела внимательно своё лицо, протёрла его кусочком ваты, смоченной миндальным молочком, запах которого так любила с детства – у мамы было точно такое же, в такой же стеклянной бутылочке. Карандашом подправила брови и нарисовала стрелочки на верхнем веке. Потом раскрыла картонную круглую коробку с пудрой и прошлась белой пуховкой по лицу. Розовой помадой едва коснулась губ и принялась покрывать розовым перламутровым лаком ухоженные ногти.

Вера с Вале́й, по-прежнему склонившиеся над книгами и конспектами, с завистью поглядывали на Динины действия.

Вера, не умеющая подолгу молчать, нашла повод:

– Счастливая, Динка! Теперь и ногти можно красить и ни фига не делать...

Римма, читавшая на постели книгу, подняла взгляд на Дину, но ничего не сказала.

Дина тоже смолчала. Она подошла к своему шкафчику.

– Ты куда это собираешься? – Домогалась Вера.

На бесцеремонную Веру в этой комнате не находилось управы. Валя не смела рта раскрыть против, поскольку была у неё в положении... подшефной, что ли. Римма просто обходила её, как обходят лужу, чтобы не быть ненароком обрызганной проезжающим автомобилем или велосипедом. Одна только Дина иногда высказывала Вере своё мнение по поводу совсем уж вопиющих нарушений ею правил хорошего тона. Правда, с той – как с гуся вода: по закону всемирного равновесия только ещё более невоспитанная и базарная натура могла бы утихомирить Веру.

Не дождавшись ответа, Вера выдвинула гипотезу:

– На свиданку, небось. Небось, с Коконем... Полуавтомат-то отрабатывать надо!

И всё же, надо отдать ей должное, Вера порой прекрасно понимала, что говорит лишнее. Только понимание это приходило слишком поздно и вместе с осознанием истины, что слово не воробей.

Вера прикусила язык и бросила короткий испуганный взгляд в сторону Риммы.

Та медленно опустила книгу и посмотрела на Дину вопросительно.

Дина, словно не замечая ни слов Веры, ни взгляда Риммы, продолжила причёсываться перед зеркалом, ничего не отвечая.

Римма, выждав паузу, спросила:

– Это правда, Дина?

Дина спокойно ответила:

– Правда.

Вера и Валя уставились на Дину с вытянутыми лицами. А красивые губы Риммы медленно исказились в улыбке, похожей больше на страдальческий оскал.

– Ну-ну... – Сказала она.

Дина бросила своё занятие, подошла к Римме и, открыто глядя на неё, сказала:

– Римма, я его что, у тебя отбивала?

Римма опустила глаза и ничего не сказала. На её лице, словно забытая маска, застыла кривая усмешка.

– Что ты молчишь? – Дина выжидающе смотрела на Римму. – Если я не пойду, тебе будет легче? – Римма молчала. – Легче? Скажи!

Вера с Вале́й наблюдали эту сцену, едва ли не раскрыв рты.

Римма медленно проговорила:

– Да, мне теперь уже всё равно... Просто... могла бы и соврать...

Дина взвилась:

– А-а-а... Соврать! Не дождётесь! – Она повернулась к сидящим за столом Вере и Вале и, сдерживая перехлёстывающие через край эмоции, высказывала наболевшее: – Это вы все во лжи да в зависти привыкли жить. А я считаю, что надо быть открытым: открыто любить, открыто не любить... А то понапяливаете на себя масок: сю-сю-сю, сю-сю-сю... А

потом в спину друг другу шипите...

– Ты чего разошлась-то? Идёшь, так иди. – Вера была уязвлена, но сдаваться не собиралась

– Я-то пойду, – сказала Дина, – а вы... особенно ты, подумали бы, как жить дальше.

– Подумаем, подумаем, а ты подфуфырься ещё чуток, чтоб заметно было, какая ты красивая, – не унималась Вера.

– Спасибо за совет, – сказала Дина, спокойно, – ты права. – Она взяла карандаш и подвела глаза чуть ярче. – Между прочим, вам тоже не мешало бы за собой следить. А то в своих халатиках затёртых да с невымытыми волосами, так и просидите, пока за первого, кто глаз на вас кинет, замуж не выскочите.

Вера оживилась:

– А ты у нас такая, что за первого, конечно, не пойдёшь!

– Полюблю – пойду. – Сказала Дина, надевая плащ и повязывая на шею газовую косынку. – Только пока не пойму, что это любовь, ноги не раздвину.

Римма неожиданно для всех сказала:

– А Кокон у тебя не спросит, сам раздвинет.

Дина повернулась к Римме:

– А вот шиш, кто со мной против моей воли что сделает! – Но взяв себя в руки, добавила спокойно. – Девочки, давайте не будем ссориться! Я никому ничего плохого не делаю сейчас, дорогу никому не перехожу, ничего ни у кого не отнимаю... И зла не желаю никому.

С этими словами она вышла за дверь.

Вера, по привычке не оставляя ни за кем последнего слова, пробубнила:

– Правильная вся такая, аж противно...

А Валя задумчиво протянула:

– Ну... Точно, правильная... И живёт правильно. И получается у неё всё правильно. Может, так и надо?..

Римма снова горько усмехнулась:

– Правильная! Посмотрим, как её Кокон подправит...

Первое свидание

Дина пристроилась в парадном соседнего с кинотеатром дома, у окна, на площадке между первым и вторым этажом. Это был безотчётный порыв. Она шла от трамвайной остановки и глянула на свои маленькие золотые часики, которые подарили ей тётя Ира с дядей Сашей, когда она, Дина, поступила в институт. На часиках было без двадцати пяти семь, то есть, до назначенного времени оставалось десять минут. Дина не хотела стоять и ждать, когда подойдёт Константин Константинович – не известно ведь, на месте он или ещё нет. Вот она и зашла в попавшийся на её пути подъезд большого довоенного дома, с просторным и гулким парадным и широкой лестницей, обрамлённой чугунной литой решёткой.

На подоконнике лежала оставленная кем-то сегодняшняя газета. По всему было видно, что недавно её использовали

в качестве скатерти: высохшие розовые круги и капли вина, крошки и обрывки фольги от плавленных сырков. И всё это прямо на «Речи генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XVI съезде ВЛКСМ 26 мая 1970 года». В следующем учебном году придётся брать эту газету в читалке и писать какой-нибудь реферат по материалам съезда...

Дина стояла и смотрела на вечерний город, на людей, идущих по улице, на светофор, весело и быстро сменявший один за другим свои яркие цвета – и, казалось, ни о чём не думала. То есть, она не думала о чём-то определённом: мысли просто появлялись ниоткуда и исчезали в накатывавших из глубины её существа волнах не поддающегося описанию чувства... Назвать это чувство чем-то определённым было трудно.

Нечто похожее Дина испытала, когда увидела свою фамилию в списках зачисленных в институт.

Конечно, она была счастлива. Ведь позади остались и напряжённая подготовка с бессонными ночами, и переживания перед каждым экзаменом: что попадётся в билете? – и после него: что поставила комиссия, и хватит ли на проходной балл?..

Но к удовлетворению и подъёму диссонансом примешивались и растерянность перед новой, совершенно самостоятельной, жизнью в чужом, большом городе – ведь больше не будет рядом мамы, которая вовремя разбудит, приготовит поесть, проследит за уроками и одеждой; и сомнение в пра-

вильности выбора будущей профессии – ведь то, что знала о ней Дина, было лишь обложкой книги, вовсе не говорящей о её содержании, или говорящей лишь поверхностно; и понимание, что сделан очень важный шаг, для отмены которого, в случае чего, потребуется не меньше усилий, а может, даже больше.

Радость, сомнение, смятение...

Вот и сейчас... Конечно, многие девчонки – как и тогда, кстати – отдали бы, что угодно, лишь бы оказаться на её месте. Но то ли это, что нужно Дине? И что потом?..

Радость, сомнение, смятение...

Да, ей нравился Константин Константинович.

И не только как незаурядный преподаватель: с его занятий, будь то лекции или семинары, даже не самые усердные студенты уходили с неохотой.

И далеко не только своей яркой наружностью – хотя, при всей её яркости, было что-то неуловимое и в образе, и в манерах, подобное патине на поверхности полированного серебра, что придавало этому внешнему блеску налёт благородства.

И не только чувство юмора Константина Константиновича нравилось Дине: если уж он рассказывал анекдот или употреблял шутку, это были умные и тонкие шутки и анекдоты, он ни разу не позволил себе скользкой двусмысленности, ка-

кие позволяли другие преподаватели в расчёте на популярность у студентов и звание своего парня.

И не только его эрудированность, которую он не выпячивал, а применял исключительно по назначению: для расширения кругозора своих подопечных.

Константин Константинович нравился Дине. Но ей бы в голову не пришло мечтать о нём как о близком друге. А тем более – как о... как о мужчине.

Но почему же тогда она здесь?.. Её пригласили в кино. Её пригласили на свидание – впервые в жизни. Не кто-нибудь... не студент-однокашник и даже не старшекурсник...

А может, он пошутил? Пригласил и наблюдает откуда-нибудь из укромного места: придёт эта дурочка или нет? Или решил развлечься: схожу для разнообразия с некрасивой в кино, от меня не убудет, а она пусть думает, что я влюбился...

«Как бы то ни было, я пришла» – подумала Дина, посмотрела в очередной раз на стрелки часов и решительно вышла из парадного.

Дина увидела Константина Константиновича почти сразу. Он стоял в стороне от осаждавшей кассы и вход в кинотеатр толпы. Точнее, не стоял, а прохаживался, поглядывая по сторонам. Можно даже сказать – нервно поглядывая. Или – нетерпеливо.

Дину он заметил, когда она была шагах в десяти, и сразу пошёл навстречу. Константин Константинович так решительно двинулся в Дину сторону, что они едва не столкнулись. Дине пришлось остановиться, чтобы этого не произошло.

– Какова пунктуальность! – Возбуждённо сказал Константин Константинович, протягивая Дине руку. – А ведь вам следовало минут на пять-десять задержаться.

Дина тоже протянула руку, которую он пожал порывисто, но крепко.

– Вы считаете?.. Зачем? – Спросила она, глядя с неприкрытым удивлением на Константина Константиновича.

– Ну, – усмехнулся смущённо тот, – чтоб я понервничал хоть немного: придёте или нет?

– Вынуждена вас разочаровать, это не мой стиль, Константин Константинович.

– Это интересно... – Он посмотрел на Дину серьёзно, но смущение и волнение остались, едва прикрытые улыбкой. – А можно мы продолжим эту тему после короткого обсуждения животрепещущего вопроса?

– Слушаю вас, – сказала Дина.

– Мы можем пойти в кино, а можем в кафе. М-м-м... Ещё мы можем пойти в кино, а потом в кафе.

– Третий вариант, с вашего позволения.

Константин Константинович засмеялся и ещё внимательней посмотрел на свою студентку. Он достал из нагрудного

кармана билеты и легко взял Дину под руку, направляясь ко входу.

– У нас есть десять минут на буфет. Не хотите перекусить? – Сказал он.

– Спасибо, я из-за стола, – ответила Дина. – Но, если вы хотите...

Константин Константинович улыбнулся:

– Я тоже сыт. К тому же, нас ждёт ужин. Вы не имеете ничего против «Радуги»?

– Нет, не имею. – Сказала Дина.

Что она могла ещё сказать? В рестораны и кафе студенты вроде Дины, жившей на стипендию, ходили нечасто: разве что на чей-нибудь день рождения, устроенный вскладчину, или на свадьбу, которые к последним курсам стали случаться всё чаще.

Они прошли к своим местам – в самом центре зала. Константин Константинович откинул сиденье для Дины и уселся сам. Он сел почти лицом к Дине и посмотрел на неё с улыбкой.

– Итак, мы остановились на вашем стиле. Вы считаете, что женщина должна быть пунктуальной и обязательной?

– Я считаю, что каждый должен быть обязательным и пунктуальным, – ответила Дина, глядя прямо перед собой.

Она разглядывала проходящую мимо публику, новый – взамен старого плюшевого – расписанный красками занавес,

стильные светильники: кинотеатр открыли совсем недавно после ремонта.

– А как же женские слабости, капризы? – Не унимался Константин Константинович.

– Ну, кому нравится, пожалуйста.

– А вам не нравится.

– Мне нет.

– А что вам нравится?

– Мне?.. Естественность.

– И прямота.

– И прямота.

– И как оно, получается так жить?

– Получается.

– Не тяжело?

– Наоборот, очень легко.

– Правда? – Не переставая улыбаться, спросил преподаватель.

Но тут свет начал медленно гаснуть, усилился шум от усаживающихся поудобней и спешащих занять свои места зрителей. Динин спутник близко наклонился к её уху и сказал:

– Вы меня заинтриговали. Можно мы продолжим позже?

Дина повернулась к нему. Вспыхнул свет на экране. Лицо преподавателя было совсем рядом в сгущающейся темноте, и сейчас оно было особенно эффектно: правильные крупные черты лица подчёркнутые односторонним освещением, мерцающие блики в глазах, очень внимательный, но мягкий и

волнующий взгляд, губы, приоткрытые в полуулыбке.

– Можно, – сказал Дина и отвернулась к экрану, но видела краем глаза, что Константин Константинович продолжает наблюдать за ней.

Тогда она спокойно посмотрела ему в глаза. Тот улыбнулся, опустил взгляд и тоже сел лицом к экрану.

Продолжение вечера

Они с трудом протиснулись в двери кафе сквозь большую толпу желающих попасть внутрь. Даже поняв, что эти двое идут без очереди не по причине нахальства, а потому, что швейцар сделал им приглашающий знак, стало быть, у них или места забронированы, или мало ли, что ещё – даже несмотря на это, страждущий народ не выказал энтузиазма, чтобы расступиться и пропустить счастливых.

Дина и Константин Константинович подошли к стойке гардероба, кавалер принял у дамы плащ, разделся сам и сдал вещи.

Дина поправляла у зеркала причёску и увидела, как к ней приблизился преподаватель и тоже поправил свои роскошные волнистые воронова крыла волосы, проведя по ним, как расчёской, сперва одной пятернёй, потом другой, одёрнул пиджак. Но при этом он смотрел в зеркало не на себя, а на Дину.

Дина повернулась к Константину Константиновичу.

– Вы были так уверены, что я соглашусь пойти с вами в кафе?

Он, улыбнулся и, пытаясь быть игривым сказал:

– Нет, не был. Я даже не был уверен, что вы вообще придёте.

– Но билеты купили и места заказали... Ну, билеты, положим, можно продать, а залог в кафе ведь не возвращают.

По-прежнему улыбаясь, Константин Константинович потупил взор:

– Если бы вы не пришли, всё остальное меня уже не огорчило бы. – Он снова поднял глаза. – Плевать бы мне было на потерянные деньги.

Дина ещё раз отметила про себя, как переменчиво лицо этого мужчины, и какое множество оттенков имеет его улыбка – такое простое движение мышц, такая привычная мимическая конструкция... Она молча внимательно смотрела на своего преподавателя, словно пытаясь разглядеть: правда ли то, что он говорит, или пустая болтовня.

Похоже, Константин Константинович сам ещё не знал этого. На его лице смешались и любопытство к столь незаурядным чертам характера студентки, которую он знал уже три года, а оказалось, что вовсе и не знал, и растерянность перед её обезоруживающей прямоотой, и напряжённость, вызванная желанием не обронить маску легковесного пижона, и опасение, что именно этой маской может оттолкнуть не признающую игры и фальши свою новую знакомую.

Их провели к единственному свободному столику с табличкой «зарезервировано» в самом удобном месте – у огромного окна, за которым светился вечерними огнями город. И ещё с этого места было прекрасно видно сцену с вокально-инструментальным ансамблем из пяти человек.

Дина села на отодвинутый Константином Константиновичем стул. Он расположился напротив, продолжая наблюдать за своей спутницей с нескрываемым интересом.

К столику подошёл элегантный, строго одетый мужчина. Заметив его, Константин Константинович поднялся со стула и протянул ему руку:

– Привет, Миша! Знакомьтесь: Дина... Дина Александровна. Михаил Анатольевич.

– Добрый вечер, – сказал Михаил Анатольевич. – Очень приятно. – И обратился негромко к Константину Константиновичу: – Пожелания особые будут?

– Если что, я найду тебя, – ответил тот.

– Хорошо. Приятного вечера, – Михаил Анатольевич кивнул Дине и отошёл.

А Константин Константинович зажёг свечу в красном прозрачном колпаке и смущённо посмотрел на Дину:

– Я сейчас испытываю непреодолимый позыв к саморазоблачению. – Он снова улыбнулся одной из своих многочисленных выразительных улыбок и опустил взгляд. – Я не платил залога... у меня здесь друг... однокурсник, директо-

ром работает. – Он кивнул в сторону удалившегося Михаила Анатольевича и поднял глаза на Дину. – Миша... Так что этот столик всегда мой.

– В кинотеатре у вас тоже друг директором? – Улыбнулась Дина.

Константин Константинович облегчённо рассмеялся, уловив, наконец, шутливый тон спутницы:

– Нет, билеты я купил сам. За полчаса до вашего прихода.

– Сразу вношу ясность: за билеты и ужин я способна расплатиться сама. Что и сделаю чуть позже, чтобы не ставить вас в неловкое положение, – тихо, но твёрдо сказала Дина.

– Ну вот, уже и поставили, – попытался изобразить обиду преподаватель.

– Ничего, переживёте.

– А что так? Можно полюбопытствовать?

– Демонстрация независимости.

– Ух ты! Это серьёзно. – Константин Константинович подпёр щёки кулаками и воззрился на Дину. – Вы мне с каждой минутой всё интересней и интересней.

– Вы мне тоже.

– Я-то чем?

– А я чем?

– Я первый спросил, – засмеялся Динин визави.

– Ладно. Признáюсь. Хотя мне и предстоит ещё сдавать вам госэкзамен.

– И диплом защищать! – Уточнил преподаватель с задором.

ной улыбкой. – Я ж председатель госкомиссии на вашем факультете... Ну, давайте! Кто не рискует, тот, как говорится... – Он перебил сам себя. – Кстати, как насчёт шампанского? У Вас же сегодня последний экзамен! Только, чур, я угощаю. – Не дожидаясь ответа, Константин Константинович подозвал официанта и сделал заказ. – Ну, я слушаю, – вернулся он к теме, – чем же я Вас удивляю?

– Вы знаете, что о вас говорят в институте?.. Ну, в среде студентов?

– М-м-м... Наверняка, не всё. – Преподаватель смотрел на Дину с внимательной и выжидающей улыбкой.

– А что Вы знаете? – Спросила Дина.

– Нет уж! Начали – продолжайте сами.

– Ну, ладно, продолжу... – Она сделала паузу, словно собираясь с духом. – Так вот, говорят, что к концу учёбы не остаётся ни одной студентки, которая бы... Ну, вы понимаете.

Константин Константинович, смеясь, закрыл руками лицо:

– Слышал, слышал. Только...

Дина перебила его:

– Это ещё не всё. А половина из них аборты от вас делает.

– Только с поправочкой, – вставил-таки Константин Константинович, – ни одной смазливой студентки... А ещё говорят, что на каждом курсе у меня не по одному ребёнку.

– Мне это не кажется смешным. – Дина была серьёзна.

– Как сказать... – Он перестал смеяться и посмотрел на Дину. – А чем же я вас удивляю-то?

– Тем, что то, что я о вас слышала, не стыкуется с тем, что я в вас вижу.

– Правда? И что же не стыкуется?

– Ну, во-первых, вы не такой уж дурак...

Константин Константинович снова рассмеялся:

– Так-так! Дурак, но не такой уж! Ну, спасибо!

– Не перебивайте, – серьёзно продолжала Дина. – У вас и интеллект, и чувство юмора на месте...

– А с этими качествами на красивых девушек заглядываться не положено?

– Заглядываться, может быть, и можно, но не всех же подряд...

В этот момент подошёл официант и принялся убирать со стола два лишних прибора и расставлять принесённые закуски.

– Вы позволите мне закурить? – Спросил Константин Константинович, продолжая смотреть на Дину всё с тем же смятённым и удивлённым выражением лица и улыбкой в глазах.

– Да, пожалуйста, – ответила Дина.

– Значит, вы не поощряете мой образ жизни? – Продолжил он, когда официант отошёл.

– А вы как думаете?

Дина опустила взгляд на свои пальцы и принялась рас-

смаatrивать перламутровые ногти, мерцающие в свете свечи. Ей стало неловко: получалось, что она нравоучает своего преподавателя – взрослого мужчину, вольного жить так, как он хочет.

– Начинаю опасаться, что вы пришли на свидание со мной только с одной целью: наставить заблудшего на путь истинный. М-м?

«Ну вот, – подумала Дина – я и впрямь перегнула палку...»

– Нет, не с этой. – Она чуть заметно смешалась, но тут же взяла себя в руки. – Я пришла, потому, что вы мне нравитесь. – Помолчала немного, словно снова собираясь с силами. – И чем дальше, тем больше вы мне интересны. – Она подняла глаза.

На лице преподавателя мелькнула растерянность, он смотрел на Дину и ждал продолжения.

Дина продолжила:

– Только не думайте, что со мной будет, как со всеми остальными. Вы же не просто меня пригласили, чтоб в кино сводить и ужином накормить?

– Не просто, – серьёзно ответил Константин Константинович.

– Так вот, не получится.

– Не получится что?

– Не получится ничего.

– Ну, хоть поужинать-то получится? – Он улыбнулся. – Я

с голоду умираю.

Дина, расслабившись от его лёгкого перехода с серьёзного тона на шуточный, сказала:

– Поужинать получится.

– Тогда приступим? Приятного аппетита.

– Приятного аппетита.

Оба принялись за принесённые салаты.

Константин Константинович спохватился:

– М-м! Шампанское! Где наше шампанское? – И подозвал официанта.

Официант, извинившись, тут же принёс бутылку в ведёрке со льдом, открыл её профессиональным движением – лишь короткий шипящий щелчок и лёгкий дымок из-под пробки – наполнил фужеры, и ещё раз пожелал приятного аппетита.

Константин Константинович поднял свой фужер:

– За вас, Дина... Александровна. За успешное окончание четвёртого курса.

– Спасибо, Константин Константинович. – Дина пригубила игристое вино и поставила фужер на стол.

Константин Константинович с аппетитом продолжил уничтожать салат и очень скоро справился с ним, подобрав всё до крошки. Дина ела немного лениво, словно вовсе не была голодна.

– А вы не курите? – Спросил Константин Константинович, взяв сигарету.

– Иногда, – ответила Дина.

Он протянул ей пачку «Столичных»:

– Прошу.

Ничего не ответив, Дина вынула из сумочки плоскую коричневую пачку импортных дамских сигарет, достала одну и поднесла ко рту.

Константин Константинович, выразив движением брови восхищение, протянул ей зажжённую спичку.

Дина курила, почти не затягиваясь, выпуская дым эффектной тонкой струйкой вверх.

Заиграла музыка – это на сцену вернулись после перерыва музыканты. Все они были молодыми, чуть более длинноволосыми, чем позволялось комсомольской молодёжи неписанными правилами – а другой молодёжи в стране почти и не было – но им, музыкантам, вероятно, так же негласно попускались подобные вольности из соображений создания сценического образа. У двоих были «английские усы», которые англичане называли «украинскими», на носу одного из уса-тых сидели моднящие дымчатые очки в оправе «дипломат», а один из безусых был в обтягивающих белых – совершенно белых! – штанах. Джинсы только входили в обиход и в моду и были редкостью, доступной разве что «золотой молодёжи», неизвестно где бравшей деньги на заморскую одежду и дорогие рестораны. А уж белоснежные джинсы и вовсе были экзотикой...

– А мы не договорили с вами, – сказал Константин Константинович, когда Дина отвела взгляд от сцены и принялась гасить сигарету в пепельнице.

Она посмотрела вопросительно на своего собеседника.

– Вы уже всё высказали касательно удивления моей персоной? – Улыбнулся он.

– Всё. – Сказала Дина.

– Тогда подведу итог. Я – дурак...

– Перестаньте... я же не это хотела... – Дина попыталась перебить Константина Константиновича.

– Стоп-стоп-стоп! – Замахал он рукой. – Я дурак, но, к счастью, не конченный... Я – бабник. И, похоже, к несчастью, конченный. Но при этом у меня наблюдаются зачатки интеллекта и некоторый юмор. Именно это и ввергло вас в удивление. – Он посмотрел на Дину с улыбкой.

Дина опустила глаза в свою тарелку и рассматривала зелёную горошину, наколотую на вилку: когда и зачем она это сделала?..

– Что вы молчите? Ведь именно это вы мне и сказали.

Она посмотрела на Константина Константиновича и твёрдо произнесла:

– Хорошо. Именно это.

– Ну вот. – Он засмеялся. – Значит, я в ваших глазах слегка подрос?

– Предположим.

– Отлично! Тогда с этой минуты я все силы прилагаю к тому, чтобы, если уж не заработать новых очков, то хоть полученных не упустить. – Он взял фужер. – М-м?

Дина молча подняла свой.

– Ну, что... – Сказал преподаватель. – Теперь моя очередь высказывать удивление вами. Вы позволите?

– Пожалуйста, – позволила Дина.

– Откровенно?

– Насколько это возможно для вас.

Константин Константинович усмехнулся этим Дининым словам и продолжил:

– Ну, то, что вы умница, я понял за те три года, что преподаю в вашей группе. То, что вы красавица, я заподозрил сегодня на экзамене...

– Вот тут вы лукавите... – Попыталась перебить его Дина. Константин Константинович, возражая, мотнул головой.

– ...и продолжаю убеждаться с каждой минутой. – Его голос слегка изменился, в нём завибрировало волнение.

– Не надо, – воспользовалась короткой паузой Дина. – До Риммы Яковлевой и прочих красоток мне очень далеко.

Справившись с собой, Константин Константинович продолжил:

– Вы очень правильно подметили: «красоток». Красотка и красивая женщина – две совершенно разные вещи. Вы не знали?

Дина снова принялась разглядывать свои налакированные

ногти, пытаюсь, в свою очередь, справиться с волнением.

– Так вот, в разряд красоток... в моей классификации, во всяком случае, вы не попадали. Я видел в вас зубрилу, синий чулок и будущую карьеристку.

Дина заинтересованно подняла глаза на говорящего.

– Сегодня, как вы могли заметить, я разглядел, что у вас очень красивые ноги. – Он улыбнулся. – Но то, как Вы меня приструнили, заставило меня взглядеться в вас чуть внимательней. – Теперь волнение Константина Константиновича выразилось во влажном блеске глаз. Он прикурил сигарету. – И вот... – с силой выдохнул дым вверх, – ...не перестаю удивляться.

– И что же вас удивляет?

– Ваша неординарная жизненная позиция. Впервые слышу, что с прямоотой и естественностью легче жить, чем хитр... лукавя... Или кокетничая.

– Что ж тут мудрёного?

– Ну, как?... Человеку всегда что-то нужно от других. Вот и приходится ему подстраиваться... подыгрывать... порой ломать себя... в лучшем случае – сгибать.

– Не всем людям что-то нужно от других. – С присущей ей уверенностью сказала Дина.

– Вы считаете? Вам ничего ни от кого не нужно?

– Мне нет.

– М-м-м... – задумался Константин Константинович. – Ну, конкретно вам, в вашем нынешнем возрасте и статусе,

возможно, нужно меньше, чем скоро будет просто необходимо.

– Что вы имеете в виду? – С недоверием спросила она.

– Сейчас вы – студентка. Причём, с головой. Так что своё положение отличницы и гордости родителей зарабатываете умом, усидчивостью и целеустремлённостью. Пройдёт немного времени, вы влюбитесь... – Он осёкся. – Когда к вам придёт любовь... – Он снова осёкся. – Или вы уже влюблены?

Дина опустила глаза на пламя свечи и сказала:

– Продолжайте вашу мысль.

Константин Константинович продолжил:

– Человек влюбляется в другого человека и принимается требовать от него взаимности. Тут и возникает театр... игра. Порой бездарная, порой просто мерзкая. Вы, вероятно, не представляете, во что может превратиться то, что когда-то было любовью... или влюблённостью.

Он говорил возбуждённо и с волнением, а Дина вдруг вспомнила сцену между мамой и дядей Толей, хоть и не поняла, каким образом она связана с тем, о чём сейчас говорит её преподаватель.

– Потом – служебная карьера. А это ещё более пакостное поприще. Будешь собой, «естественным и прямым», как вы выражаетесь, ничего не добьёшься. В лучшем случае так и просидишь рядовым до пенсии. А если твоя прямота мешать будет, от тебя избавятся в два счёта. – Он затянулся глубоко,

потом выдохнул дым и продолжил уже спокойно и даже с улыбкой: – Так что, девушка, не пересмотреть ли вам свои принципы, пока не поздно?

Дина, собравшись с духом, сказала почти ровным голосом:

– Я уже влюблена. – И добавила после короткой паузы: – в вас. – Снова помолчав секунду, но не давая собеседнику прийти в себя, продолжила: – Только требовать от вас я ничего не намерена. Поняли? – И она посмотрела на Константина Константиновича в упор уже совсем спокойно.

– Вот как?.. – Явно смущённый Константин Константинович пытался поддерживать игривый тон.

Но он был растерян, обескуражен и не знал, что ему делать с этим признанием.

Тут очень кстати принесли горячее, и Константин Константинович принялся активно помогать официанту, удивлённому таким порывом.

Дина тоже была рада этой перебивке – она отвернулась к сцене и смотрела то на музыкантов, то на площадку перед сценой, где несколько пар танцевали твист под «Чёрного кота». Ей очень хотелось не отводить взгляда от Константина Константиновича, но смотреть на него без волнения он не могла – может, это шампанское так на неё подействовало?..

Сегодня её любимый преподаватель выглядел совсем по-другому, чем обычно: не строгим и неприступным педагогом, каким был в стенах института. Сегодня он был «стиля-

гой»: узкие брюки, твидовый светло-коричневый пиджак с кожаными заплатками на локтях и плетёными из такой же кожи пуговицами, водолазка цвета кофе с молоком – и весь его внешний вид говорил о лёгкости, празднике, игре.

«Как же он красив!» – заходились восторженным звуком эстетические струны Дининой души. «И сегодня он со мной...» – робко, не загадывая ничего на будущее и не оглядываясь в прошлое, вторили им струны женского самолюбия.

– Вы танцуете? – Спросил Константин Константинович, когда официант закончил своё дело и удалился, а ансамбль заиграл «Лунный камень».

– Танцую, – сказала Дина.

– Разрешите вас пригласить. – Кавалер поднялся и протянул даме руку.

Динино волнение достигло, казалось ей, всех возможных пределов совместимости с жизнью, едва она коснулась пальцами ладони преподавателя. Сердце готово было остановиться – оно сбилось со своего обычного ритма так внезапно, что просто не в состоянии было его вспомнить, и пребывало в полной растерянности.

Константин Константинович провёл Дину в центр площадки и, держа её правую ладонь в руке, другой рукой едва коснулся её спины.

Динино дыхание стало почти ровным, сердце немного успокоилось и продолжило свою работу, хоть и в очень необычных, доселе незнакомых, условиях... Нет, оно вспомнило, что нечто подобное происходило, когда Артур Давлатян приглашал Дину на медленный танец на студенческих вечеринках – вот так же остро были приятны его прикосновения. Но сейчас всё-таки всё было по-другому... ещё острее.

Одна ладонь Дины лежала на груди Константина Константиновича, ощущая мягкую шерстяную пушистость твидового пиджака. Другая впитывала в себя тепло мужской ладони, чутко ловя малейшее движение мышц – пальцы едва заметно подрагивали, то сжимая, то отпуская пальцы Дины. И ей казалось, что какие-то токи струятся из этой ладони... входят в неё, наполняют её... Дыхание его касалось её щеки... Дина слышала это дыхание. Оно было неровным, громким... Как же оно волновало...

– Вы такая... лёгкая... – Сказал Константин Константинович на ухо Дине.

Голос его стал низким, чуть хриплым. Она подняла взгляд и всем своим существом угодила в его лучившиеся влажным светом глаза.

– Правда?... – Растерянно сказала она, вовсе не собираясь этого говорить.

– Правда, – засмеялся он и прижал к себе Дину.

Он тут же отпустил её. Но это короткое объятие, мимолётное прикосновение щеки к щеке, его низкий густой смех снова едва не лишили Дину чувств.

«Подари мне лунный камень... подари мне лунный свет...» – пропел солист, музыка стихла, саксофонист положил свой саксофон, гитаристы сняли гитары, и музыканты отправились на перерыв.

Весенний дождь

Дина и Константин Константинович медленно шли по мосту к остановке трамвая.

Они так много и увлечённо говорили в кафе, среди шума и музыки, что казалось странным, почему оба молчат теперь – наедине, в тишине и безлюдье.

В молчании ощущалась неловкость, словно каждый переоценивал сказанное там и тогда, и анализировал: не был ли он чрезмерно откровенен, не наговорил ли лишнего?..

Дина заметила в углу между пилоном и оградой моста сжавшегося в комок котёнка. Она подошла к нему и присела, чтобы погладить взъерошенную спинку, покрытую изморосью. Но котёнок неожиданно проворно убежал, выскользнув из-под самой Дининой руки. Дина проводила его взглядом и поднялась с корточек. Она положила ладони на перила моста и посмотрела на чёрную плотную поверхность небыстрой реки, лениво играющей ночными городскими огнями.

– Вы любите всех животных?.. Или только кошек? – Спросил Константин Константинович, воспользовавшись поводом нарушить молчание.

Он подошёл к перилам и встал рядом с Диной.

– Только кошек, – сказала Дина.

– В вас удивительно сочетаются женские и мужские черты, – сказал он и улыбнулся, посмотрев на Дину. – Да... сегодняшний день – сплошное откровение для меня.

Дина повернулась к Константину Константиновичу и смотрела на его лицо. Ей вдруг показалось, что это смотрит не она, что её здесь нет, и что этот мужчина – совершенно не знакомый ей, посторонний мужчина – стоит рядом с неизвестной ей девушкой, а ей, Дине отчего-то очень хочется заплакать. Но это продлилось только миг. В следующее мгновение она снова оказалась в своём теле, её ладони ощущали холод чугунных перил моста, а рядом стоял преподаватель, которому утром она сдавала экзамен, потом сидела с ним в кинотеатре и, следя за переживаниями героев, которых играли Нахапетов и Вертинская, всё равно постоянно ощущала его присутствие, а потом... потом танцевала с ним в кафе, и он был так близко, он обнимал её...

– И вы продолжаете меня интриговать... Вы ведёте себя так странно для женщины... для девушки вашего возраста. – Голос преподавателя снова выдал волнение. – Ведь вы признались мне в своих чувствах... А это не шутка, как я понимаю... Вам что, совсем не интересно, что я по этому поводу

думаю?

Она снова отвернулась, опустила голову и смотрела на вздымающуюся у опоры моста волну – такую же медлительно-сонную, как сама река. Почувствовав, что может говорить без волнения, она повернула лицо к Константину Константиновичу и, глядя ему в глаза, заговорила:

– Конечно, мне интересно, что вы думаете... Только я не хочу вранья. Не хочу, чтобы вы ответили мне признанием из каких-либо соображений, кроме одного – кроме взаимного чувства. А его нет и быть не может... – Она опустила глаза, но потом снова посмотрела на преподавателя прямо, не отводя взгляда. – Ведь ваш роман с Риммой Яковлевой только что закончился её абортom... – Константин Константинович попытался что-то сказать, но Дина продолжила, не обращая внимания на его реакцию. – У вас не было времени разобраться в Ваших чувствах ко мне, потому что мои коленки, которые вы заметили сегодня утром – это ещё не вся я... и в коленки не влюбляются. Так что, лучше молчите. Если вы скажете сейчас, что влюблены в меня, всё кончится. Это будет означать только одно: что вы и в самом деле бабник, и вам любой ценой нужна очередная... очередная любовница.

Она снова отвернулась, глядя на чёрную в золотистых блёстках воду, и думала только об одном: как бы не расплакаться.

Константин Константинович очень осторожно взял Дину за руку. Рука была холодной и влажной от ночной росы. Не

заметив сопротивления, он взял вторую руку и сжал в своих горячих ладонях, согревая. Дина не сопротивлялась, но не смотрела на него – она всё ещё боялась заплакать. Отчего – не знала и понять не могла.

– Хорошо, – сказал Константин Константинович, – я не буду ничего Вам говорить сейчас... Кроме одного: вы, кажется, замёрзли.

– Нет, я не замёрзла, – сказала Дина, – только руки.

Константин Константинович подышал в свои ладони, где пригрелись Динины пальцы.

– Спасибо. – Дина улыбнулась.

Они прошли мост и оказались у остановки трамвая.

– Вы уже домой? – Спросил Константин Константинович.

– Я не хочу неприятностей в общежитии. – И она посмотрела на часики.

– Да, конечно... – Константин Константинович занервничал. – Но я... я не хочу расставаться с вами... У вас нет здесь родственников?

– Есть. Но я их не обременяю собой. Тем более, поздно ночью.

– Ну, вы иногда ночуете у них?

– Очень редко, когда мама приезжает.

– М-м-м... Вы могли бы сказать в общежитии, что... – Он вдруг рассмеялся. – Боже мой! Это кому я советую соврать!.. Простите... Но мне правда не хочется расставаться с вами. Надеюсь, в искренность этого признания вы верите?

– Да, – сказала Дина просто. – Я вам верю. Что бы вы ни сказали.

Слегка смешавшись, Константин Константинович спросил:

– То есть? Я вас не понимаю...

– Что тут непонятного? Я вам верю. – Повторила Дина с нажимом.

– Вы мне верите? После всего того, что узнали обо мне?

– Именно после того, что узнала о вас. – И Дина уточнила: – Вы искренний человек. Вы искренний бабник. Вы искренне любите женщин... Они на вас вешаются... Полная гармония. По крайней мере, не обманываете, что готовы жениться. – Она внимательно посмотрела ему в глаза. – Нет ведь?

Константин Константинович опустил голову и смущённо засмеялся.

– М-м-м... Очень редко. – И словно оправдываясь, продолжил. – Вы же все такие разные! Вам вот правду подавай, другим – ложь! И чем махровей, тем лучше! – Он снова смотрел на Дину с не покидающим его весь вечер выражением любопытства, удивления, растерянности на лице и в глазах. – Но такое со мной впервые. В чём я только ни объяснялся с женщинами!

Загремел подходящий к остановке трамвай. Константин Константинович вопросительно посмотрел на Дину.

– Я уеду следующим, – ответила она на его немой вопрос.

– Мы увидимся?.. Завтра?.. – Спросил он, когда трамвай, захлопнув двери, канул во влажную темноту, словно в вату.

– Завтра я уезжаю домой. На неделю.

– А потом?

– Потом у меня практика до конца июля.

– Где? – И снова Константин Константинович занервничал и не пытался скрыть этого.

– Здесь.

– Здорово! – Облегчённо улыбнулся он. – Как здорово, что вы отличница! А то заслали бы в Тьмутараканск какой-нибудь на полтора месяца.

Несколько редких капель внезапно упали из черноты и тут же превратились в настоящий проливной дождь. Константин Константинович распахнул плащ и накрыл полую Дину – как насадка крылом прикрывает своего цыплёнка.

– Перестанете... я же в плаще... Вон туда! – И Дина кивнула в сторону магазина на другой стороне улицы.

Они вбежали под козырёк гастронома изрядно промокшими.

Дина достала из кармана плаща белый носовой платок и принялась вытирать лицо. Константин Константинович тоже вытер мокрые щёки, лоб. Вдруг он взял Дину за подбородок и произнёс:

– Чш-шш... Не шевелитесь... У вас на мочке капля, как бриллиантовая серёжка.

Дина замерла, глядя на Константина Константиновича. Он перевёл взгляд со сверкающей капли Дине в глаза и тоже замер. Потом аккуратно промокнул влагу, отпустил Дину и принялся сосредоточенно сворачивать платок.

Дина прислонилась к тёмной стеклянной витрине и смотрела на дождь, мелькающий в свете фонаря.

Константин Константинович, продолжая тщательно складывать свой платок – уголок к уголку – сказал тихо:

– Я очень хотел вас поцеловать.

Дина ответила не сразу:

– И что вам помешало?

– Мне впервые помешало то, чего я не знал никогда.

– Что же это?

– М-м-м... – Он всё крутил в руках несчастную тряпицу. – Страх?.. Нет. Опасение.

– Чего вы опасались?

– Я опасался вызвать ваше недовольство... обидеть вас...

– Забавно.

– И вправду, забавно. До сегодняшнего дня я был уверен, что знаю женскую сущность, как свои пять пальцев... Я был уверен, что знаю, когда и чего хотят женщины. Я всегда знал, как мне себя надо вести. – Он усмехнулся. – Мне в голову бы никогда не пришло усомниться: стоит ли целовать женщину? Я знал, что женщину нужно целовать при любом удобном... да и не удобном случае. – Он вдруг стал серьёзным и с волнением в голосе спросил: – А если бы я это сделал?.. Вы бы?..

– Я бы не убежала. – Сказала Дина. – И по физиономии вы бы не схлопотали.

Константин Константинович усмехнулся и мотнул головой. После недолгой паузы, он спросил, и в голосе снова слышалось волнение:

– А можно повторить попытку? – И повернулся к Дине.

– Уже нет, – спокойно сказала она. – Мне не нравятся мужчины, которыми нужно руководить: это можно, это нельзя... А вот и мой трамвай! – Она подняла воротник и собралась побежать к остановке.

Константин Константинович взял её за локоть её и повернул к себе:

– Но мы ещё не попрощались и не договорились о следующей встрече.

Дина сказала не слишком твёрдо:

– Я опоздаю.

– Я довезу вас на такси, – оживился он.

– Мне только на такси не хватало заявиться в общежитие! Да ещё вместе с вами. – Улыбнулась Дина.

– Правда... – Засмеялся Константин Константинович. – Так когда мы увидимся?

– Когда я вернусь... через неделю. Если вы не передумаете до тех пор.

– Где и во сколько? – Он пропустил мимо ушей последнюю реплику Дины. – А вам можно позвонить?.. Скажите мне ваш номер. – Константин Константинович шарил по на-

грудным карманам в поисках ручки.

– У нас дома нет телефона.

– Тыфу ты! – Он растеряно посмотрел на Дину. – Разве такое ещё бывает? А вы не могли бы?..

– Не суетитесь. Я приеду и мы увидимся.

– Какого это будет?

– Числа третьего.

– Числа третьего!.. – сокрушённо воскликнул Константин Константинович. – А если второго?.. Или четвёртого?.. Неужели такое бывает?.. Нет телефона!.. А можно вы позвоните мне, когда приедете? – Он снова принялся искать ручку.

Дина достала из сумочки записную книжку и ручку, и Константин Константинович написал на раскрытой ею странице свой номер.

Вдали загремел трамвай.

– До свидания, Константин Константинович, – сказала Дина и протянула ему руку.

Он пожал её и сказал, глядя Дине в глаза:

– До встречи, Дина. – И добавил: – Я буду ждать Вашего звонка.

В комнате был полумрак – верхний свет погашен, только лампа на столе с накрытым газетой абажуром. Римма спала, отвернувшись в стенке и укрывшись с головой одеялом. За столом сидели над книгами и тетрадями Вера и Валя.

Обе разом повернулись к вошедшей Дине.

– Привет, – сказала шёпотом Дина.

– Привет, – хором ответили обе.

Дина переоделась, взяла в тумбочке умывальные принадлежности и вышла.

Вера многозначительно постучала ногтем по стеклу будильника. Часы показывали пять минут первого.

Вернулась Дина. Она переоделась в шёлковый короткий пеньюар, села на постель, достала из тумбочки аптечную баночку с густым белым кремом и нанесла его плотной маской на лицо, на руки, откинулась на подушку и прикрыла глаза.

Громкий шёпот Веры нарушил тишину:

– Как вечер? – Спросила она.

– Хороший вечер, – тихо ответила Дина.

– Где были?

– Имейте совесть! – Раздался нервный голос Риммы. – Уже ночь!

– Мы же не кричим, чего ты-то кричишь? – Огрызнулась Вера.

Дина сказала тихо:

– Извини, Римма, мы больше не будем.

Римма откинула одеяло, встала, надела халат, и, прихватив из тумбочки сигареты, вышла, хлопнув дверью.

Вера, решив, что теперь-то можно поболтать открыто, повернулась к Дине:

– Ну, расскажи!

Дина, не меняя позы, сказала спокойно:

– Я ничего рассказывать не буду. Вы только и делаете, что сплетничаете и других злите. Вам что, не жаль Римму?

Вера отвернулась и скорчила рожу – так, чтобы не увидела Дина.

Более простодушная Валя не знала, как реагировать на Верины выходки, а потому просто опустила глаза в тетрадь, хоть и поглядывала краем глаза то на неё, то на Дину.

Вера не выдержала и продолжила приставать к Дине:

– Ты вот вся такая правильная, а ногти красишь и лицо отбеливаешь.

Дина ничего не ответила.

Вера не унималась:

– А ведь правильные не красятся и не расфуфыриваются.

Дина сказала спокойно, не открывая глаз:

– Чехов сказал: в человеке всё должно быть прекрасно – и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Слышала такое?

Вера снова скорчила рожу.

– Всё-то ты знаешь, Турбинá.

– Каждый знает то, что хочет знать... то, что ему нужно.

– А что ты, Турбинá, в актрисы не пошла?

– К чему ты это? – Усмехнулась Дина.

– А так, – аргументировала Вера. – Была бы вторая Дина Дурбин... Турбин! Тебя же в честь неё назвали?

– В честь неё. Только я не способна к актёрству.

– А! Ну да! Врать не умеешь. А в кино ведь как: не со-

врѣшь, не сыграешь.

– Ты ошибаешься. Играть роль – вовсе не значит врать, – сказала Дина и принялась снимать ватой крем с лица и рук.

Вошла Римма.

– Не знаю, о чём вы тут за моей спиной... – Начала она.

Дина перебила её мягко:

– Римма, мы всё знаем про тебя, но это не значит, что ты перестала быть нашей подругой.

Валя, которая глянула было удивлённо на Дину, тут же опустила голову в тетрадь, а Вера так и замерла с вытянутым лицом.

– Лично я тебе сочувствую, Римма, – сказала Дина. – Но я желаю тебе, чтобы ты всё забыла и начала новую жизнь... Точнее, не забыла, а не повторяла ошибок.

Дина поднялась со своей постели, подошла к Римме и обняла её. Римма неожиданно горько заплакала. Она тоже неловко обняла Дину и продолжала громко всхлипывать.

– Нам часто кажется, – говорила Дина, – что первый мужчина, который на нас обратил внимание, или первый, в кого мы влюбились, это навсегда. Но это может быть и не так. А главное, нужно спросить себя: уверена ли я в нём, в себе и своих чувствах?

Римма, успокоившись, села на постель и принялась вытирать лицо полотенцем:

– Откуда ты... всё это?.. – Спросила она Дину.

– От мамы, – ответила та.

– Что, она прямо так тебе и говорила? – Римма удивлённо посмотрела на неё.

– Нет. Она, как раз говорила совсем другое. Но я видела её жизнь и понимала больше, чем слышала.

Домой

Дина вытянулась на верхней полке плацкартного вагона. Ехать почти сутки: ночь и день. Завтра к ужину будет дома.

Дина любила дорогу – куда бы она ни вела: на море, в пионерский лагерь, домой или на учёбу после каникул. И только сейчас – впервые в жизни – она с сожалением села в поезд. Но не ехать было нельзя. Во-первых, маме обещала, и та что-то там приготовила дочери из обновок на лето. Во-вторых... во-вторых, Внутренний Голос убедил.

– Ты, конечно, можешь не поехать, – говорил он, – или поехать не сегодня, а завтра... или послезавтра... Но поезжай-ка ты лучше сегодня... Дай отстояться впечатлениям. И твоим, и его. – Внутренний Голос знал, что Дина знала, кого он имеет в виду. – Не пори горячку! Остынь. И ему остыть дай. Неделя – самый подходящий срок, чтобы взглянуть на произошедшее более трезво. А? Как ты думаешь?..

– Я согласна, – сказала Дина, вздохнув немного грустно.

Она пошла на вокзал, постояла в очереди за билетом, надеясь втайне от Внутреннего Голоса, что билетов не будет. Но билеты были – хоть и на верхние боковые места, но были.

Что, кстати, лишний раз убедило её в правоте того, которому привыкла безоговорочно доверять – Дина подозревала, что, давая ей тот или иной совет, этот дивный Кто-то заранее знает, что получится так, как он советует. А может быть, Он сам всё устраивает так, как нужно... как нужно Дине, как лучше всего будет для Дины... Это было дерзкое предположение: ишь, какая... уж не думаешь ли ты, что всё и вся так и крутится вокруг тебя одной и твоих интересов! Но почему бы и нет, – думала Дина, – по крайней мере, надеюсь, что я получаю всё это не за счёт кого-то...

Дина заплатила за билет и села вот в этот поезд.

Она вытянулась на своей полке и робко спросила у Внутреннего Голоса:

– Но вспоминать Его я ведь могу?

– Конечно! Конечно, вспоминай! – Ответил её надёжный советчик. – И чем больше, чем подробней – тем лучше! Перебирай в памяти каждое слово, каждый жест... анализируй – что тебе так, что тебе не так...

Дина обрадовалась такому ответу и первым делом достала из сумочки свою записную книжку, раскрыла её на нужной странице и ещё раз прикоснулась взглядом к трём буквам – «ККК» – к цифрам и маленькому сердечку, нарисованному рядом с ними. Она прижала страничку к губам и послала мысленный привет руке, оставившей ей этот драгоценный – видимый и осязаемый – кусочек того долгого дня, который

начался в восемь часов утра на экзамене и закончился в первом часу ночи, когда она вернулась к себе в общежитие.

Дина вспомнила прикосновение этой руки к своей. Ещё – как эта рука долго – бесконечно долго! – лежала на её спине... когда они танцевали под «Лунный камень»... а потом коротко, но так крепко прижала Дину к...

Константин Константинович... Как она могла бы называть его ласково? Костенька... Мой милый Костенька... Костюша... Костик... Котик... Или просто: мой милый...

Нет, от этого начинает кружиться голова...

Как он смотрел на Динины коленки... Нет, лучше – как в глаза... Да, в глаза – гораздо лучше. Он сидел так близко, в кинотеатре, и смотрел на неё. А потом она повернулась к нему, и его лицо было совсем рядом... Глаза блеснули... приоткрытые губы чуть улыбались... А потом он хотел её поцеловать... И тоже – так близко его лицо... так близко, что можно взять его в ладони и коснуться губами лба... щеки... губ... Коснуться губами его губ...

– А про это можно? – Спросила Дина, смутившись оттого, что сначала напридумывала, а потом только спрашивает разрешения.

– Можно, можно... – Усмехнулся Внутренний Голос. – Про любовь можно всё.

– Хорошо, – сказала Дина. – Это про любовь.

– Только не забывай, что это про твою любовь, – сказал Внутренний Голос, сделав упор на слове «твою», – а про его

любовь ты пока ещё ничего не знаешь. Так ведь?

– Да, – согласилась Дина. – Я буду пока только про свою.

– И слишком далеко не заходи, не ожидай от него того, чего просто не можешь... не имеешь права ожидать. А то потом плакать горько будешь.

– Ладно, – пообещала Дина и вернулась к губам Константина Константиновича... Кости.

Они такие живые, подвижные... так приятно смотреть на них, когда Константин Константинович... когда Костенька что-нибудь говорит... когда он улыбается... Как приятно, наверняка, когда они целуют тебя...

А как это бывает?... Дина видела поцелуи только в кино. Тот поцелуй Артура Давлатяна не в счёт – он просто прикоснулся своими губами к уголку Дининых губ. Это когда она ему самую первую курсовую работу помогла сделать. Он сказал:

– Спасибо тебе большое. – И поцеловал.

– Пожалуйста, – ответила Дина. – Только никогда больше так не делай!

И он больше так не делал. Хотя Дине иногда и хотелось, чтобы он повторил. Но он ждал её позволения. А Дине это не нравилось.

«Какая ты, – подумала Дина, – поцеловал без позволения – не понравилось, ждёт позволения – тоже не нравится...»

Валерка Ревякин не ждал и не спрашивал. И поцеловал по-настоящему. Только это было очень давно.

Вот и Константин Константинович тоже ждал позволения... Нет, тут всё-таки другое – он не ждал позволения, он просто был деликатным... он не решился, чтобы не обидеть, не оскорбить... Это другое.

А если бы он решился – как бы это было?

Дина не знала. Она и сейчас не знала, как это бывает. Но она хотела узнать. Очень хотела узнать... Она была готова расплачиваться за это горькими слезами – только бы узнать, как целуют губы её любимого Кости...

Любимого Кости?!..

Да – любимого Кости. Милого Кости. Моего милого, любимого Кости...

Мама

Мама стояла на перроне, чуть поодаль от встречающих и отъезжавших. Дина не сообщила ей номер вагона, она передала через тётю Иру, чтобы мама не встречала её, что она сама прекрасно доберётся до дому, она уже не маленькая. Хотя знала, что мама очень любит вокзалы, любит встречать и провожать – для неё это всегда событие. И Дину она не проводила только один раз за все эти годы...

Мама сразу увидела дочь и замахала ей рукой.

– Диночка! Доченька! – Она обняла Дину.

И Дина ощутила неопишемое тепло, ощутила мамину любовь – чистую и бесхитростную, как вода, которую пьёшь,

когда хочется пить.

– Мамочка... ну зачем ты?.. Я же не маленькая...

Но мама только улыбалась счастливо и не могла насмотреться на Дину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.